

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

СЛУГИ
КАРАЮЩЕГО
ОГНЯ

Сергей Юрьевич Волков
Слуги Карающего Огня
Серия «Великое Лихо», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605405
Великое лихо: Центрполиграф; Москва; 1999
ISBN 5-227-00259-2

Аннотация

Будет ли жить род людской или сгинет в одночасье по прихоти Владыки, пожелавшего швырнуть на Землю Небесную Гору? Выяснить это отправляется волхв Шык и его ученик Луня, и чем закончится их поход, не ведают ни они сами, ни Великий Вед, ни кто другой на этом свете.

Содержание

Авторское слово или Почему я решил написать эту книгу	4
Околица	11
Часть первая	14
Глава первая	14
Глава вторая	28
Глава третья	51
Глава четвертая	75
Глава пятая	98
Глава шестая	117
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Сергей Волков

Слуги Карающего Огня

*Моим родителям —
с благодарностью...*

Авторское слово или Почему я решил написать эту книгу

Фэнтези увлекало меня давно, практически с того момента, как впервые довелось самостоятельно прочесть более-менее объемную книгу. Тут я явно не одинок – миллионы тогда еще советских мальчишек и девчонок «болели» тем же, предпочитая захватывающие приключения фантастических героев в выдуманных мирах безголовым всадникам Майн Рида и гениальным профессорам Жюль Верна.

Но вот беда – в те годы фэнтези у нас по какой-то необъяснимой причине считалось чуждой, вредной, и даже опасной литературой. Приходилось довольствоваться малым – «Трудно быть богом» Стругацких, кое-что из Кира Булычева, совсем уж детские романы Анатолия Волкова о приключениях Элли в Волшебной стране, а также хотя бы чуть-чуть похожие на фэнтези книги Вальтера Скотта, Джонатана Свифта и Мэри Стюарт.

Однако у всех нас (поклонников жанра) почему-то жила в сердцах непоколебимая уверенность – существуют где-то захватывающие романы, населенные отважными героями, ужасными чудовищами, магическими превращениями, драматическими коллизиями и т. д., и т. п.

«Железный занавес» меж тем трещал по всем швам, и вот в один действительно прекрасный день каким-то образом, видимо, через дыры от отлетевших заклепок, в нашу Страну Советов занесло Толкиеновского «Хоббита». Это было что-то! Хорошо помню, как взрослые люди, «доценты с кандидатами», в курилках восторженно обсуждали совершенно детскую, по сути, книгу, охали и ахали: «Вот, оказывается, какие на самом деле эльфы! А гномы! А эти... как их... гоблины! Ух ты!»

Как писали в титрах старых фильмов – прошло время. Занавес рухнул, и к нам широким потоком хлынули настоящие сокровища. Муркок и Желязны, Урсула Ле Гуин и Фармер, Саймак и конечно же САМ, Дж. Р. Р., «Великий и Непревозойденный».

А следом за мастерами и корифеями шли, сплотив ряды, шеренги подражателей, и было их так много, что устав от перечитывания быстро набивших оскомину историй о колдунах и магах, о драконах и королях, кое-кто из наших соотечественников теперь уже по Новой России сам взялся за перо.

Так мы узнали «русского Толкиена» Перумова и «русскую Ле Гуин» Семенову. За ними, как и в западном случае, шли подражатели, эффектно оттенившие первые книги двух теперь уже мэтров «русского фэнтези».

Омут оказался отнюдь не бездонным, количество стекляшек в колейдоскопе – ограниченным, и вскоре наиболее мыслящие и неудовлетворенные взялись за разработку новых жил. Появилось «скандинавское фэнтези», «азиатское фэнтези», «постмодерн-фэнтези», «фэнтези абсурда». Возник даже своеобразный поджанр «техно-фэнтези», где колдунов усадили в боевые рубки межзвездных крейсеров, а отважные рыцари вместо мечей пользовались лазерами.

Выбор ныне стал настолько велик, что даже самый притязательный читатель просто обязан вздохнуть с облегчением: «Свершилось! Теперь читай – не хочу!».

А вот не хочу! Не хочу потому, что в первую очередь запретить клонирование надо было не в биологии, а в литературе! И тогда мы не получили бы такого количества «литподделок», лишь формой похожих на оригиналы, а начинкой... А начинки там нет, нет и быть не может, потому что ничто не стоит за плечами бесчисленного множества героев и антигероев современного «фэнтези», они не имеют корней, фольклорных истоков, и романы, в которых им приходится «геройствовать», похожи на конструкторы типа старосоветских детских наборов «Сделай сам».

Туповатое, но эффектное изобретение «Заокраинного За-

пада», стиль «экшн», сперва заползший в детективы, ныне вольготно обосновался и в «фэнтези». Главное – вперед, главное – с мечом и магией, главное – зло будет наказано! И неотвратимый, как контрольный выстрел в голову, «хэппи энд».

Надоело! Но зато – хорошо продается... Или уже – продавалось, ибо все синтетическое приедается слишком быстро?

Мысль написать роман, основанный на славянском историческом и фольклорном материале, впервые посетила меня едва ли не в начале девяностых. И вот с тех пор, потихоньку-помаленьку, начали собираться, вроде бы и сами собой, знания и сведения, выстраиваться сюжет, возникать герои и их окружение.

«Великое Лихо» можно назвать «славянским фэнтези», хотя повествуется в романе о тех временах, когда и слова такого – «славяне» – не было. Но жили «праславяне», которых я взял смелость назвать «родами», жило множество других народов, далеких предков народов ныне живущих.

А вот Земля было иной, другими были ее контуры и природа, и это подтверждается археологическими и геологическими данными.

Первые люди появились на нашей планете около трех (а то и девяти, согласно последним данным!) миллионов лет назад. Порядка четырнадцати тысяч лет назад люди научились строить дома, освоили металлы – медь, бронзу, сереб-

ро, приручили лошадь, корову, козу и курицу. Это известно из любого учебника истории. А вот дальше начинается обширная лагуна, и лишь в конце пятого тысячелетия до нашей эры появляются сведения о древнейших поселениях в Месопотамии. Что же было между этими двумя датами?

Озаботившись решением данной проблемы, перелопатив гору книг, я так и не нашел ответа на заинтересовавший меня вопрос. Единственное, в чем сходились мифологии практически всех без исключения народов мира – где-то в интересующем меня временном промежутке произошел некий всепланетный катаклизм, жуткая катастрофа, чаще всего именуемый «всемирным потопом». О том же говорят и исследования специалистов совсем другой науки – геологии, по данным которой около девяти тысяч лет назад уровень Мирового Океана неожиданно повысился на 80 с лишним метров, и очертания материков изменились, приобретя современные формы...

Минимум фактов, максимум гипотез. И безграничное поле для фантазии. И я начал фантазировать, а точнее – «фэнтезировать»...

Несколько слов о лексике. Писать роман о праславянах антуражно, на старославянском или древнерусском языке было бы довольно рискованно – кроме нескольких сотен специалистов его вряд ли кто-нибудь смог бы прочесть, но, с другой стороны, писать «Великое Лихо» на современном, общеупотребительном языке тоже довольно тупо (Только представьте

фразу типа: «Взял боец с лавки плетеный из металлических колец доспех, называемый кольчугой, и идеально подогнал его по своей мускулистой фигуре»!).

Поэтому и пришлось стилизоваться под старину, изобретать какие-то неизвестные ранее лингвистические конструкции, применять диалектизмы... Это я к тому, что если некоторые слова будут непонятными или вовсе неизвестными – заранее прошу прощения, но придется покопаться в разной литературе, в Словаре Даля, к примеру, и т. д.

В общем, в одно серое мартовское утро, неожиданно для себя самого я вдруг отложил наполовину написанный заказной детектив «а-ля нова рюс», что-то типа «Смерть еще подождет», уселся перед компьютером и «накликал»: «На плоской вершине высокой, сложенной из дикого серого камня квадратной башни...»

Увлекательного (простите за штамп) вам чтения!

Как же мир не распадётся,
Если он возник случайно?
Как же он не содрогнется,
Если в нем начало – тайна?

...

Мы от всех путей далеки,
Мы везде найдем печали.
Мы – запутанные строки,
Раздробленные скрижали.
Константин Бальмонт.

К Великой Истине всегда
Ведет одна дорога.
Её начало – у порога,
Но где кончается она?...

Околица

На плоской вершине высокой, сложенной из дикого серого камня квадратной башни, что притулилась над подрубающей с востока Серединный хребет пропастью, одиноко стоял человек в просторном синем плаще.

Человек был стар, очень стар. Из-под черной кожаной шапочки на его голове выбивались длинные волосы цвета вершинных снегов, и ночной ветер гремел деревянными, бронзовыми, костяными и каменными амулетами, оберегами, фигурками людей, нелюдей и животных, вплетенных в белоснежные пряди.

Нижнюю часть лица старца скрывала окладистая седая борода, доходящая почти до пояса, и лишь нос, форме которого позавидовали бы орлы Ледяного хребта, выдавался вперед, придавая всему облику хищное, но не злое, грозное, но не опасное выражение.

Не борода, не нос и не амулеты в седых прядях отличали этого странного человека от других. Глаза, пронзительные и глубокие, в горе – черные, как смоль, в гневе – горящие, словно два факела, а в минуты радости – неожиданно голубые, чистые и добрые, именно по этим глазам узнавали в Ар-Зуме того, чье обличье могло измениться столь быстро, что и взмаха ресницы не хватит уследить...

Вед, мудрейший маг и ученый муж всего Загорья, земель

родов и страны Ом, да чего уж там, всех стран Великого Хода, стоял в полночной час на вершине своего жилища, древней Звездной Башни, и смотрел, не отрываясь, в раскинувшуюся над ним аспидно-черную, бездонную пропасть, усеянную мириадами холодных, равнодушных огоньков, так похожих на призрачные болотные огни в черных лесах злобных берегов...

Повсюду внизу, в пригорных долинах, мирно спали селения аров, и лишь Неугасимые Огни на вершинах далеких Сторожевых Столпов, еле-еле различимых отсюда, говорили о том, что в мире есть еще что-то живое...

Вед шевелил губами, узловатые старческие пальцы складывались в таинственные фигуры, заплетали пряди бороды в немыслимые, пятерные и семерные, косички, щелкали и хрустели, а пытливые глаза всматривались в мертвые звезды, всматривались, чтобы разглядеть среди множества мертвых одну – живую, и грозную!

И наконец Вед нашел: чуть правее семи звезд, образующих созвездие Топора Бо, возле звезды не рожденных и не похороненных, зловещего Сагуба, виднелась едва заметная даже в безлунную ночь звездочка – сереющее пятнышко, точечка на угольном небесном своде...

Глухой стон вырвался из груди старика. Узловатые пальцы рванули синий плащ, седая голова поникла, и даже ночной ветер перестал звенеть амулетами, в страхе утих, дабы не мешать горю человека. Горю от знания...

Так продолжалось недолго. Вот Вед стряхнул с себя оцепенение, присел на каменную тумбу, и склонился к плоской крыше башни. Тут, защищенная от ветра невысоким каменным бортиком, горела масляная бронзовая лампа, и свет ее мечущегося пламени выхватывал из темноты то острый профиль Веда, то потемневшие шрамы на его груди, сплетавшиеся в причудливые узоры – не мало боли должен принять человек на свою душу, чтобы тело его покрылось вот такими вечными оберегами...

Еще пламя осветило знаки, что чертил Вед длинным изящным жезликом из кости редкого зверя индра на тонком слое голубовато-белой соли, покрывавшей крышу Звездной башни.

Вед считал и пересчитывал, считал снова, затирая старые знаки, и боялся поверить в точность своих расчетов. Но не зря долгие годы создавал он прихотливую и мудреную магию, магию чисел, которую когда-нибудь, возможно, нарекут его именем. И именно она, эта магия чисел, лучше и точнее хрустального шара, серебряной чаши, внутренностей умершего в утробе матери младенца или пламени над костром из костей дива подсказывала Веду – то, чего он так опасается, все же свершится!

Часть первая

Звездная башня

Глава первая

Гонец

«Дорога эта стара, как сама земля, по которой она пролегла. И дорогой-то ее назвать можно лишь потому, что по ней издавна двигаются люди. И нелюди...

Широкая, кочковатая, в добрый десяток шагов шириной, вьется она по землям разных племен, беря свое начало в необозримой дали, у берегов теплых Южных морей, где белые чайки кричат над зелеными волнами, а по отрогам поросших дикими оливами гор бродят козы стада и необузданные, кровожадные лихи.

Дорога раздваивается и расстраивается, словно водный поток, и притоки ее разбегаются по окрестным землям, соединяя меж собой селения разных народов, что живут по берегам моря.

В Великой степи пути вновь сливаются в один, и ведет он на полночь, к дремучим лесам и полноводным рекам, минуя стороной негостеприимные гористые земли белых цогов, что видят ночью лучше, чем днем, и любят человеческую кровь

больше, чем воду.

Через земли лесовиков-родов, через пустынное нагорье, именуемое Северными Буграми, на Север, на Север ведет дорога, туда, где стеной встают из утреннего тумана темно-зеленые ели, где потоки делаются холодными, как лед питающих их ледников, а люди – воинственные корья и дикие чуды – носят шкуры и не умеют плавить металл.

Достигнув гор, именуемых Великим Ледяным хребтом, дорога сворачивает и далее ведет на восход, и много-много дней пути странники видят по левую руку лишь сверкающие, словно алмазы, ледяные шапки на горных вершинах, по правую же руку всегда лежит дремучая, дикая и страшная чащоба – Черный лес. То земли беров, и горе путнику, если свернет он с пути или будет идти по нему ночью один, без мудрого спутника или быстрого коня...

Пройдя полмира, дорога упирается в Серединный хребет. Он не может сравниться с Ледяным по высоте своих пиков, но такой же непроходимый, и лишь в одном месте, через перевал, не зря именуемый Перевалом Скелетов, можно миновать Серединный хребет и попасть в богатые Загорные земли, земли, где, как говаривают побывавшие там, и солнце ярче, и трава зеленее, и люди дивнее, чем мы с вами. И я, идя оттуда, подтверждаю – истинно так!

Перед Перевалом Скелетов отходит от большой дороги малая, и ведет она вдоль Серединного на полдень, к озеру Корвавой воды, в Великую Степь, что населена кочевыми ва-

гасами, пасущими свои стада и молящимся Великой Кобылице. Но я туда не ходил, и более ничего о тех краях не ведаю...

Зато был я в Загорье, и скажу о нем: по Загорью, именуемому еще Страной Ар-Зум, дорога идет дальше, на полудень, но забирая к восходу, дабы путники, идущие и едущие по ней, не попали в Голубые Пески Махадум, где нет жизни ни для зверя, ни для человека.

Между Страной Аров, а именно это означает слово «Ар-Зум», и местностью, где обитают люди языка Ом, лежит три луны пути в обход Голубых Песков и гор по местам глухим и диким. Страна Ом – самая северная из стран восхода, и далее дорога ведет уже по обжитым местам, а их без счета – и богатые земли Лури, и гористая страна Ор-х-гван, жители которой поклоняются странному богу, что в образе чудовища пожирает людей, и много других стран, чудных и диковенных, и все там, не как у нас – одежда, оружие, еда, и боги там тоже другие, чужие и непонятные.

На берегах большого моря, где волны не имеют цвета, а в воздухе висит туман от вечных дождей, дорога завершает своей бег, вновь рассыпаясь множеством троп, тропинок, дорожек, чтобы закончиться у порогов тростниковых хижин в глубинах диких лесов, или в каменных ущельях голубых, красных и черных гор.

Такова она, дорога, Великий Мировой Путь, или, говоря нашим языком, Великий Ход, что связывает воедино все

обитаемые земли, а других земель нет и быть не может, ибо твердь конечна, как любое из ее составляющих, будь то камень, песчинка или гора. Так говорят арские мудрецы, а значит, так и есть!

Много, очень много живет вдоль Хода людей, и еще больше – нелюдей, а в стороны от Хода лежат земли дикие, и никому неизвестные.

Вы спросите меня, для чего Великий Ход и кто его сделал?

Я отвечу, но лишь на первый вопрос, ибо никто не делал Великий Ход, был он всегда, с тех пор, как солнце дало людям людово.

А нужен Ход, чтобы ходить по нему. Чтобы народы могли знать друг о друге, могли менять дары своей земли на дары земли соседей, и еще – чтобы тот, кто захотел положить жизнь свою на то, чтобы узреть всю Землю, мог свершить задуманное.

Вы смотрите на лик Земли, начертанный на куске выделанной кожи, или сплетенный из цветных шнуров, или выбитый на камне, или сложенный из кучек разноцветного песка, и не можете понять – почему так прихотлив, так извилист и далек Великий Ход? Ведь можно было провести его от Южных морей и до морей Бесцветных короче...

Не можно. Не можно, ибо великой кровью, костями и потом дался каждый день пути Великого Хода, и те земли, в коих нет его рукавов, не должно посещаться человеком! В этом большая мудрость и великий труд предков наших, и их

предков, и предков тех народов, что живут на Ходу, а более тут сказать нечего...

Начертал ту помощь странникам на языке родов писменами-глагоми, дарованными им арами, волхв Шык, прозванный Костяная Игла, вид Земли сотворил Теша, прозванный Стуком, и было се завершено в этот день, после полудня, когда третья луна от начала года, бывшего четыре раза по десяти в жизни Буя Однорогова пятым, перевалила за половиною...»

Старый Корч закончил читать, привычным движением короткой волосяной метелки смахнул дорожную пыль с выбитых в граните букв и начертанных линий, повернулся к Перевалу и поклонился чуть показавшемуся из голубой горной дымки густо-багровому диску встающего светила.

Начинался новый день, и Корча ждало множество неотложных дел. Сказать по правде, для многих он уже стал староват, теперь не под силу уже ему, как раньше, с молодецким хаканием развалить напололам лиственничную колоду одним ударом бронзового колуна, или перевернуть в одиночку на другой бок заколотого для постояльцев быка, чтобы содрать с него шкуру...

Да-а, годы берут свое. Вот уже и светлоликий Яр, Красное Солнышко, что по утрам выплывает из-за Серединного хребта, все больше напоминает колышашееся багровое пят-

но, а не четкий, ровный диск... Слабеет глаз, дрожат руки, и лишь разум старого Корча не желает стареть – не туманится память, не путаются мысли, и все так же остер он на язык, как и много лет назад, и все так же смекалист и быстр умом. Недаром и имя его – Корч, арами данное, то же значит: «Быстромысл».

Корч еще раз поглядел на треугольную гранитную скалу, на одной из обтесанных граней которой Шык Костяная Игла и Стук, возвращаясь от аров в свои родские земли, выбили «Слово о Великом Ходе» и Чертеж Великого Хода.

Шык сделал надпись на родском, арскими буквами-глагами – сами же роды до письма не додумались, да и то сказать, они и о металле узнали благодаря араму. Дикий народ, лесовики-болотники, в чашах дремучих сидят, весной по полянам бревна с сучьями таскают, в борозды зерна овсяные да полбяные кидают, а к осени срывают колосья, молотят и перетирают ручными жерновами зерна в муку, делают жито, тем и кормятся, да еще бортят диких пчел, охотничуют, рыбалют по быстрым лесным рекам. Ну, и конечно грибы, ягоды, корень-зелень всякое...

Корч усмехнулся про себя. Вот она, старость. Чуть не каждый день теперь вспоминает он родные родские леса, родичей, родовичей и дальнюю родню свою. Вспоминает по-арски, и долго, очень долго вытаскивает из глубин памяти родные, родские слова.

Сколько же лет он прожил тут, в дне пути от Перевала

Скелетов? По-родски Корч и сосчитать бы не смог – там («Там! Вот опять! Там, они, у них... А сам-то тоже – оттуда!»), у родов, счет годам велся по летам, прожитым вожами всех родских племен. Умирал один вож – время менялось, и начиналось сызнова. И лишь самые мудрые волхвы помнили, сколько у родов было вожей, и могли счесть время, что роды прожили на этой земле.

Ары вели другой счет, отмеряя его от того дня, когда Великий Бо, бог сущего и не сущего, сотворил этот мир и аров в нем, а год считали не по лету, а по обороту солнца от весны до весны. Арскими годами Корч жил тут уже шесть раз по десятку, а по-родски – три десятины нынешнего вожа, Бора Крепкой Руки...

Корч не спеша вернулся во двор своего Дома, привычно окинул взором навес с сеном для скота, сарай, стойла, и сам Дом, из серого арского камня, под высокой корьевой крышей. Узкие окна-щели, с распахнутыми по летнему времени дубовыми ставнями, широкие двери с бронзовыми накладками, коновязь для спешных путников, каменное корыто-поилец – для лошадей, без которых человек медленен и слаб в пути.

Еще во дворе был колодезь – обложенное камнем устье, дубовый ворот, и крыша на четырех столбах, увенчанная деревянной личиной богини Ва, покровительницы вод.

В дальнем углу двора, у сараев, высился каменный идол Яра, светлого солнечного бога, помогающего всему живому.

Идол был богато украшен ленточками, кожаными и меховыми ремнями, амулетами и оберегами, что вешали на него путники – чтобы защитил и помог в дороге.

Из Дома выскочила вагаска Ваят, жена младшего сына Корча, Птаха, выплеснула грязную воду из мытого чана, улыбнулась свекру и поспешила к колодезю – за свежей водой.

Дом просыпался – скрипели под ногами родни половицы, хлопали двери, гремела посуда. С заднего двора до слуха Корча долетел стук топора – кто-то из внуков, не иначе как старший, Выёк, взялся за рубку дров на весь долгий летний день.

Дров надо много – и воды согреть, чтобы было чем гостям-путникам смыть дорожную грязь и пыль, и похлебку сварить в большом медном котле, а потом еще подогреть ее весь день, дабы путники всегда могли горячего похлебать. И мясо жарить надо, и взвары готовить, и камни греть, чтобы потом, ночью, грели они комнаты гостей и родичей.

Прислушиваясь к стуку топора, Корч улыбнулся – старается Выёк, не за страх, за совесть. Со временем добрый хозяин из него выйдет...

А вот отца Выйка, белоголового Стахна, своего старшего сына, Корч не уберег. Да и то сказать – не по силам никому это было. Слишком гордым, слишком своенравным рос сын. Все – попрек, все – не так, как отец, словно видел он в Корче не батю родного, а врага...

Стахн сгинул в Черном лесу много лет назад, и никто не знает, какая судьба его постигла – угодил ли он в полон к беррам, и пожрали его эти осквернители людских законов, или нежить лесная полакомилась человеческой душой.

Когда не вернулся Стахн, сильно горевал Корч – любил он непокорного сына, любил больше двух других сыновей, жалел и злился на себя за то, что не смог найти слова нужного, чтобы вразумить кровиночку...

Корч тряхнул головой, отгоняя печальные мысли. Человеку долго печалится негоже – печаль, она не сама приходит, ее рогатый злыдень-иг нагоняет, и чуть поддашься, тут же криворожие михи с махами придут, под руки толкать станут, глаза отводить от дел, мешать, злить и ярить. А когда взъяриться человек без дела, тут-то анчута-поганец душу его и приберет к себе, чтобы на блюде, сплетенном из полос задубевшей человеческой кожи преподнести своему хозяину – не благому богу, властителю Пекла Нью...

Корч вдруг понял, что думает по-родски, впервые за последние годы. Словно сломалось что-то внутри, потянуло в родные (Родные? И не жил там почти...) места. И тут Корч услышал коня – перестук копыт и мелодичный звон бубенчика...

В ворота, едва не зацепив приоткрытую створку, влетел мохнатый арский конь-арпак, взмыленный, в клочьях пены, весь, до гривы, забрызганный дорожной грязью.

«Раз грязь, стало быть, с Перевала, в долине-то высохло

все давно!», – привычно отметил Корч, спеша на встречу первому сегодняшнему гостю.

Всадник, молодой меднокожий ар в белой островерхой шапке с бронзовым бубенцом, соскочил на землю, и потянул наладившегося было напиться скакуна в сторону – после такой скачки конь остыть должен, и лишь потом – пить.

Корч уже тащил приехавшему охапку сухого сена – вытереть коня. Ар молча начал стирать с мохнатой груди, спины и крупы пот и грязь, и пока не закончил, не заговорил. Так было заведено у него на родине – сперва конь, а уж потом все остальное. Останешься без коня – уже и не ар ты, а так, уродень ходячая, то ли сасс-пескун из Махадума, то ли джав кривоногий...

Наконец, конь был вытерт и укрыт теплой оленей шкурой. Ар повернулся к Корчу, поклонился ему и произнес, четко выговаривая слова, и чуть длиннее, чем другие народы, протягивая «р»:

– От Будора, из клана Молневого Огня, гонца властителя Ар-Зума Бодана, привет тебе и уважение, Хозяин Корч!

– От Корча, хозяина и хранителя Дома у Великого Хода, привет и уважение тебе, Будор! – ответил Корч ритуальным приветствием аров: – Легка ли была твоя дорога? Не согласишься ли ты принять от меня угощение и помощь?

– Охотно! – переходя на простой язык, улыбнулся ар: – Дорога была легка, только на перевале на меня напал снежный демон, и я потратил все свои стрелы, отгоняя его! Не

разживусь ли я у тебя десятком-другим?

Ар кивнул на пустой колчан-сад, где одиноко болтался лук со спущенной тетивой.

– Прошу в Дом, Будор, гонец Бодана! И стрелы, и пищу, и отдых ты получишь, как того велит уклад гостеприимства! – Корч чуть склонился перед гостем, пропуская его вперед, и не спеша пошел следом, кликнув по пути среднего сына, Груя – пусть коня накормит, напоит, копыта поглядит – не треснули ли...

В Доме, в большой горнице, под тяжелыми мореными балками, украшенными резьбой, усевшись за широченный дубовый стол, Будор достал из-за пояса широкий арский кинжал и как голодный волк, накинудся на принесенный ему Ваят олений окорок.

Пока гонец насыщался мясом, поспела похлебка, настоялся взвар, появились на столе глиняные мисы с лесной зеленью. Все это Будор умял в один миг, и лишь от ковша с хмельным медом отказался – он гонец, и туманить голову ему не можно.

Насытившись, Будор встал, поклонился столу – божьей ладони, Дому – на четыре угла, потом – хозяину, и лишь тогда спросил:

– Знаю я, Корч, что по законам нашим, которые ты чтить, плату с гонца брать тебе неместно! Но я все же хочу отблагодарить тебя, о Хозяин, и посему говори положенные слова, а я отвечу тебе...

Корч приосанился, и поклонившись гостю, произнес:

– Спасибо тебе, Будор из клана Молниевое Огня, за то, что ты оказал мне честь, став гостем мой, за то, что отведал еды моей и питья, и хочу спросить – не пожелаешь ли ты одарить Хранителя Дома у Великого Хода, словом или делом?

Будор кивнул:

– Делом одарить тебя, Корч, не могу, ибо спешно прибыл сюда, и спешно удаляюсь из Дома твоего, но словом одарю, и слово мое будет тревожным! Знай же, что Великий Бодан, правитель аров, узнав от мудреца Веда о приближении страшной напасти из Звездной Бездны, послал меня по просьбе Веда в земли родов, к волхву Шыку, известному под прозвищем Костяная Игла, дабы Шык немедля отправился в Ар-Зум. Это все, но от себя хочу добавить: черны вести мои, и готовься к плохому, Корч, идет что-то, чему нет названия, и это что-то угрожает не только арам или родам, или стране Ом, нет, угроза нависла над всеми странами Хода! Это все, более мне пока не ведомо!

Будор еще раз поклонился хозяину, собравшимся в большой горнице домочадцам Корча, не оглядываясь, вышел во двор, и вскоре перестук копыт его коня затих вдали...

– Ну! Что рты разинули! Дела нет ни у кого, что ли? – заворчал на своих Корч, но воркотня его была больше для порядка – сыновья, внуки и невестки мигом разбежались – кто на кухню, кто нянчить малых, кто – к скотине, и вскоре Корч остался в горнице один.

Он присел к столу, сплел корявые натруженные пальцы и задумался:

«Вот и ары поняли, что в мире неладное творится! Что ж за беда такая идет? Черное поветрие Звизд насрал? Нет, Вед бы с ним быстро разделался! Или Ный пошел по земле косить души людские? Тоже не похоже – в Год Ранних Смертей все в природе на дыбки вставало, а в этот год не так – тишь да гладь. Правда, нежить прет дуром отовсюду, поллуны назад лорийских торговых гостей аж на Мокром лугу паун накрыл черной своей паутью! Это виданное ли дело – в двух днях пути от Черного леса пауны режутся!

А хуже всего, что Воструха, Баган да Бадняк боле Дом не блюдут. Угощение не принимают, забились, кто куда, и хнычут, сами себе погребальные песни поют. Вот это-то горе, и горе настоящее. Без них в Дом быстро нежить налетит – злая Марца, Коровья Смерть, в хлев вползет, серые гарцы призрачными крыльями взмахнут, по горницам засвистят, сквозняками выдувая из душ людских добро и тепло, а душа без тепла, известное дело – сыть Ныева... О-хо-хо-х, Зирка-Зиричка, светлая душева птаха, защити, оборони, не дай Дому порушиться, куда ж мы без него...»

Мысли Корча путались, навернулась на глазу мутная старческая слеза, уже видел он Дом свой разоренным и покинутым. Свистят в пустых стенах гарцы, скалятся из каждого угла двуголовые аспиды, и не где путнику проезжему отдохнуть, силы набраться, коней обиходить, словом с людьми пе-

ремомлвиться...

Но пока не случилось того, и, Яровой волей, не случится! Старик встряхнулся, встал, разогнул ноющую спину и отправился на задний двор, где средний сын Груй звенел оселком по бронзе кос – через два дня Яров день, начало Большой Косьбы, и нужно подготовиться к ней как следует. Гонцы гонцами, слухи слухами, а и в Тяжкие Годы скотину кормить надо, чтобы она, в свой черед, людей кормила. А то как же жить еще на свете?

Глава вторая

В путь!

Дождь моросил целый день, но никого в городище Влеса это не печалило – наоборот! «Дождик, дождик, пуще, дай нам жита гуще! Дождик, дождик, поливай – будет жита каравай!» – распевали под теплыми струями босоногие ребяташки, плескались в лужах, подставляли под небесные слезы русокудрые головенки, от дождика не только травы – и волосенки сильнее растут, то всякий знает!

Волхв Шык Костяная Игла сидел под навесом своей избы, что притулилась у могучего дуба на краю городища, и улыбаясь, смотрел на расшкодившихся пострелят. Хорошая поросль у родов, крепкая и многочисленная. Не скоро еще врагам, людским и не только, удастся одолеть родов. Вон, даже ары, столкнувшись было с родами, взялись сперва за мечи, а потом пошли на мировую. И обоим народом от того мира много-много пользы вышло!

От аров пришло к родам умение плавить медь и олово, делать бронзу, орудия и оружие из нее, от них же пришли и различные, нужные человеку, искусства, и первейшее из них – искусство дружбы с конем.

От родов к араам пришли тайные знания, как бороться и в согласии жить с нежитью и нелюдью, мёды и колдовские травы, меха северных зверей и так высоко ценимые араами

перья птицы кукши, что накликавает добро на родские селения, далеко разнося над лесами свое «Ку-ку!».

Пока дружба и согласие у аров с родами, оба народа будут процветать, это и роды, и ары понимали. Понимали – и крепили дружбу, как могли. Немало аров сватались к статным родским девушкам, немало родских парней женились на гибких, грациозных арках. Мешался язык, мешались обычаи. Глядишь, коли Роду будет угодно, и одним народом станут со временем роды и ары!

Одна беда – уж больно далеко лежат их земли. Если выехать по Великому Ходу на восход с крайних родских земель, через полторы луны только достигнешь Дома старого Корча, что живет у Серединного хребта, в дне пути от Костячного Перевала. И лишь минув перевал и спустившись вниз, попадет путник в земли Загорья, в страну аров Ар-Зум.

Кабы не проклятый Черный лес, и ары стали бы селиться по эту сторону Серединного, и роды начали бы ставить свои городища ближе к горам. Но Черный лес, темный даже в самый солнечный день, крепко хранил свои пределы от чужаков, а любой смельчак, что отважился сунуться под мрачную сень вековых елей и кедров, увитых бородами черного мха и черной паутиной, исчезал бесследно...

Но не только Черный лес – много всякой нечисти есть на свете, и в последнее время сильно расплодилась она, покушаясь на людово. Пять десятков лет прошло, как закончилась последняя война между хурами и вагасами, и с тех пор

в мире и согласии жили народы Великого Хода, и до недавнего времени не досаждала им нечисть.

А ныне, словно взбесившись, лезут кики из болот на охотничьи тропы, лешья блудят девчонок малых в малинниках, аспиды-паскуды подстерегают людей у лабазов, шишиги срамные забавы на ночных полянах устраивают, а в Великой реке Ва уже и искупаться в одиночку не могли – или омутовник привяжется, или русальи девки облепят. И в довершении всех бед у городища рода Волка объявился оборотень, коров порезал, овец, напал на молодух, что в полнолуние гадать на суженного к чаровной поляне пошли. Девки еле отбились, до зари на елках сидели...

А распутывать все узлы кому? Волхву! И кик в болото загони, и с лешья управься, и аспидов побей, и на шишиг наговор наложи, а уж оборотень – с ним вообще целое ратовище надо устраивать, зело силен волкодлак, и в зверовом, и в людском обличии.

Две седмицы Шык и десяток охотников рыскали по лесам окрест городища рода Волка, выискивая Обратный Пень с воткнутым в него ножом, нашли, подкараулили на заре обратня, и сеча была жаркой – нелюдь просто так помирать не захотел, но и в могилу с собой никого утянуть не смог, и Шык тем же утром вбил в земляную поганую усыпальницу обратня, где того вечно черви есть будут, толстенный осиновый кол.

Шык зевнул, поскреб широкой пятерней кудлатую си-

вую бородищу – после трудного дела хорошо понежиться в праздности, но вечно праздно не проживешь, делом жить надо. А его дело сейчас – ученика готовить, премудрости и чародейственные знания передавать. Шык выпрямился и рявкнул на все селение:

– Луня! Луня, бродило болотное, где тебя влоты носят?!

Вскоре послышалось шлепанье босых ног по лужам, и из-за росшего возле избы волхва могучего дуба выскочил бело-головой паренек лет шестнадцати, в серой домотканой рубахе до колен, без портов, но зато в кожаных войских рукавицах, и со здоровенным дубовым дрыном в руках.

Был он худ, высок и гибок, но стать подвела парнишку – великим воем не быть, силы в руках не будет. Оно, правда, и по любому выходило, что Луня воем быть не должен – выбрал его Шык волховству учиться – искра Влесова жила в душе простоватого на вид отрока.

– Дяденька! Тута я! – запыхавшись, крикнул парнишка, смахивая со лба мокрые пряди волос.

– «Тута!» – передразнил его Шык, усмехаясь: – Опять на войском поле скакал, как козел, с этой дубиной? Ты волхованию учиться назначен! Так вож приговорил! Ох, и сыпет тебе Род за послушание!

– Да я, дяденька, эта... – Луня шмыгнул носом: – Ну не способен я... Не могу! Я воем хочу быть, как все! Зачем мне эти волховские премудрости? Вона, Вычач, лягух взглядом заговаривать умеет, и зайцев желудем убивать, как камнем.

Вона его бы и учили...

– «Вона, Вычач...» – опять передразнил Шык своего ученика: – Марш в избу, да рубаху переодень, не ровен час, Тряса одолеет, с твоим-то... «здоровищем».

Что правда – то правда, здоровье у отрока было не могучее, каждую зиму валялся он в жару с грудным кашлем, а потому Луня послушно снял войские рукавицы, прислонил дубовый кол, с которым упражнялся в мечевом деле, к стене избы и шагнул вслед за Шыком в низкую проемину входа.

Был Луня сиротой при живом отце. Мать его, красавицу Личу, давно, когда мальцу и года не исполнилось, зарубили в пылу сечи каменными топорами находники-гремы, дальние северные соседи родов, соседи не добрые, жестокие и воинственные, но, хвала Роду, не сильные числом войским. Отец же, Мочаг из рода Рыси, после смерти любимой жены потерял душу, перестал узнавать своих, и жил в потаенном скиту у Седых, баб-служительниц Алконоста, которые кормили его и ухаживали за убогим, надеясь, что душа Мочага, некогда лучшего охотника своего рода, вернется когда-нибудь в тело...

* * *

Внутри избы волхва было темно. Свет попадал сюда лишь через узкие щели-прорубы, устроенные в стенах так, чтобы солнце в разное время освещало то один, то другой угол –

так для чародейства разного надобно.

Вдоль стен шли низкие полати, на которых были разложены всякие волховские припасы – шкурки зверей, кости и камни, сухие листья, прибитые деревянными гвоздочками к сухим ольховым плашкам, амулеты и обереги, шишки, грибы, мох и пучки колдовских трав. Терпкий, пряный и пьянящий дух стоял в избушке, но он не дурманил голову, а напротив, яснил и свежил, словно весенний ветер в березольный месяц...

В углу, в обложенном камнями очаге, еле-еле светились багровым угли прогоревших дров, под стрехой, над низким деревянным ложем волхва, возился черный грач, а над очагом висела на стене знаменитая Костяная Игла – длинный, в четыре локтя, посох, вырезанный из цельной кости невиданного зверя индра, некогда повсюду водившегося на земле, а ныне сгинувшего, дар арского волхва Веда молодому еще Шыку, когда тот побывал у аров и учился непонятному родам, но полезному волховству...

Силу тот посох имел не малую, да и значение у него было особое – мог он принадлежать лишь самому могучему родскому волхву, защитнику и обережнику отчего края, и никому больше. Правда Луня, привыкший видеть чародейную клюку все больше на стене, в душе считал, что все это байки. В жизни, по мыслям ученика волхва, важнее и полезнее лук с десятком добрых кленовых стрел или рогатина с бронзовым навершием. А посох – так, для важности...

– Садись! – кивнул Шык переодевшемуся Луне на низкую дубовую скамейку: – А ну, перечисли-ка для начала всех Лихих Раден, упаси нас от них Род!

– Тряся, Жара, Знобя, Гнетя... – уныло начал Луня: – Груда, Глуха, Лома, Пухна...

«Не прав, ой, не прав Луня про себя!» – слушая ученика, думал волхв: «Ишь ты, воем он хочет быть! И я хотел, когда был вот таким же... стригунком! Да нет, парень, не твоя это судьба, дар у тебя, и волхв из тебя выйдет зело могучий! А насчет Вычачи... Слов нет, силен парень, среди старших родов ни у нас, Медведей-Велесов, ни у Волков, ни у Рысей, ни у Лис таких больше нет, а уж во младших родах и подавно... Силен-то силен, но тут дело в другом – Вычачу не волховству учить, а от волховства отучивать надо – черное семя в душе у паренька, если тайные знания ему подарить, Черный волхв из него получится, и не мало бед принесет он родам, ой, не мало...»

– ...Желта, Корча, Глядя, Слепя, Невя! – уверенно закончил перечислять Луня болести человеческого тела.

– Так-так... – покивал головой Шык: – Ну, а теперь – какими травами и наговорами от... Пухны, скажем, защитишь ты, волхв, старца, девку-нерожанку, и воя могучего?

– Для старца возьму я травы-колюки, в серпень собраной на еловой поляне... – начал было Луня, но тут из-за бревенчатых стен донеслось:

– Шык! Шык! Волхв, беда случилось, вож кличет!

Шык распрямился, словно верхушка дерева, освободившаяся от снежной шапки, шагнул из избы. Луня поспешил за ним, как всегда, врезался лбом в низкую притолоку, и потирая наливающуюся синевой шишку на лбу, побежал догонять широко шагающего через лужи волхва, размышляя на ходу, как так получается – волхв через дверь проходит, не сгибаясь, и ничего, а он, Луня, каждый раз о дубовину бьется, как бы ни гнулся?.

Шык шел через городище, мимо рубленных в лапу изб родов, чьи коньки украшали резные петухи, оберегавшие хозяев изб от всех бед, мимо Общей горницы, где собирались зимами роды на тризны и пиры, мимо столбов с медвежим ликом Влеса, покровителя их рода, прямо к хоромине вожа.

Вож рода Влеса, Бор Крепкая Рука, могучий, нестарый еще муж, соломоволосый, как и все роды, ждал волхва на крыльце, опершись на Посох Рода с навершием в виде медвежьей лапы.

– Беда, волхв! – рявкнул он издали, взмахнув посохом: – Бабы в лес за Синий Камень по малину пошли, и нашли мертвого ара! Нехорошо он умер, страшно... Сердце из груди ему выгрызли, кости все поломали, коня убили... К нам ехал, точно, глаги при нем. Я в арском не силен, сам знаешь, но твое имя прочесть сумел. Вот такой подарок нам Ный поднес, чтоб его Яр спалил! Пойдем, Шык, в Маровой горнице он...

Горница Мары, низкий дом, все стены которого были по-

крыты черной смолой и разрисованы красными гневными зраками бога честной смерти, справедливости и силы Пра, чтобы слуги Ныя не охотились здесь за душами умерших, располагался на отшибе, за частоколом городища, на берегу небольшого круглого рукотворного пруда. Серебристые ивы склонили к воде свои длинные ветви, словно людские вдовы в печали застыли у места последнего покоя своих мужей...

Бор, Шык, Луня, старая Дара, что служила богини смерти Маре, и воевода рода Влеса Скол Каменный Топор остановились на пороге Черной горницы, и прежде чем войти, трижды окурили себя пахучей веткой можжевельника из священного костра – чтобы душа убитого ара не присосалась к душам живых, и не вырвалась из горницы Мары.

Луня увидел низкую широкую лавку, а на ней – человеческое тело. Человеческое? Едва ли он узнал бы в этом чудище человека – руки и ноги, сплошь в узловатых шишках переломов, были согнуты как угодно, только не так, как их сгибает человек. Голова свернута, и смотрит на спину, из открытого рта свисает длинный, не человеку – зверю впору, синий язык, широко раскрытые глаза застыли навек в жуткой муке, и все тело покрыто черной, запекшейся кровью, а слева, под ребрами, зияет рваная дыра, в которую легко могут войти два мужицких кулака. Страшен был мертвый ар, даже не страшен, а жуток, отвратен, и замутившегося Луню ноги сами повели прочь из смертной горницы. Повели-то повели, но как он уйдет – все, с кем пришел, тут стоят, в скорбном

молчании у последнего ложа ара... И Луня остался, пересилил себя, только смотреть стал в угол, где горел синим огнем Очистительный костер, что сжигает всех посланцев Звизда, которые приходят к мертвым, чтобы разнести потом мор по земле.

– Он из кланов Огня, воин, стало быть... – нарушил тяжелую тишину Шык: – Без ворожбы скажу – это сделал не человек, а нелюдь. Человеку без нужды калечить другого человека не зачем. Можно и на нежить подумать, но у нежити повадка другая, им душа нужна, а тело... Тут душа цела, только мучается сильно. Дара! Готовь все к обряду погребения, да торопись – чую, если до заката не погребем мы его, беда будет!

– Не уж-то навом станет!? – всплеснула руками старуха и выскочила вон из горницы. Вскоре ее резкий голос, похожий на карканье вороны, уже раздавался в городище – Дара созывала других служительниц Мары себе на подмогу.

Шык наклонился над мертвецом, заглянул в выкаченные глаза. Луня вспомнил, как волхв говорил о том, что в зрачке убитого мертвяка можно увидеть личину убийцы, и внутренне содрогнулся.

Шык выпрямился и произнес, обращаясь к воеводе:

– Догляд надобно поставить у Синего камня... Что за тварь это сделала, никак не пойму... Ни кики, ни дивы, ни другая нелюдь никогда мертвых не трогают, а тут как будто игрались с ним, как кошка с мышкой, покарай их Род, таких

кошек!

Молчавший до этого Бор тронул волхва за плечо:

– Пойдем, Шык, в хоромы, знаки глагольные поглядишь, уж больно тяжело тут...

Воздух в Маревой горнице и вправду был тяжеленек – тщательно просмоленные стены не пропускали ни сквознячки, а синее пламя Очистительного костра, где горели не дрова, а аспид-камень, что выменивали у горных невеличников, выжигало в воздухе все чародейство, в том числе и чародейство жизни...

Хоромина вожа рода Влеса стояла посреди городища. Это была та же изба, что и у других родов, только большая, под высокой тесовой крышей, с высоким же, «богатым» крыльцом, и вырезанными поверх входа громовыми знаками и личинами богов-покровителей – Влеса, Рода, водителя воев Руя, и могучего Уда, бога мужской силы. Хоромину ограждал круглый частокол-хора, не такой высокий и крепкий, как вокруг городища, но зато украшенный побелевшими костяками убитых врагов, людей и нелюдей.

Пока шли к крыльцу, Луня скосил глаза на огромный череп лиха из южных земель, круглый, с большую корчагу для закваски черемши величиной, с одной-единственной глазницей под тяжелым налобьем. Прадед нынешнего вожа родов, Зырь Лихоборец, убил его во время дальнего похода к Южному морю, в земли ахеев, убил в честном поединке, и имя его было прославлено в многих землях Великого Хода.

Внутри хоромины Луня еще никогда не был, и не возрасту ему, да и нужды не было – лишь зрелые мужи, вои и охотники, могли вступить на высокое крыльцо. Но Луне воем вообще не быть, он – будущий волхв, а волхвам посвящений и испытаний в Удовом озере на восемнадцатой зиме жизни проходить не надо, волхв, он и в пять зим – волхв, только не ученый, и посему сейчас Луня вошел в хоромину вместе со всеми, и никто ему ничего не сказал.

В Воевой горнице, месте, где вож держал совет, где награждал отличившихся дружинников, где вои из дружины его пили, ели и спали, все вошедшие уселись на застеленные мехами лавки у стола. Кто-то из молодых воев-дружинников притащил ендову меду и копченой медвежатины, еды настоящих мужчин, еды священной, Влесом даренной.

Луня оглядывался, примечая убранство жилища вожа. На стенах, на потолке, на полу – всюду здесь были меха, шкуры, кожи разных зверей. Многие Луня видел в первый раз, о некоторых слышал из былин и песен.

...И дарил ему побежденный Змей
Не украсы, светиньем богатые,
Не камня, что стоят немеренно,
А дарил ему чешуй-шкуру с плеч,
Не секимую, не пробивную...

Поверх шкур висело оружие. Древнее, родское, зверовое. Рогатины-кременцы – на крупного зверя, луки со спущен-

ными тетивами, сады с пугами клееных животным клеем стрел, стрел разных, на зверя, на птицу, на человека и нелюдя. Каменные топоры, ножи, старинные мечи из мореного дуба с пластинами черного острого камня по краю, легкие дроты с костяными наверхшиями, остроги и гарпуны, и отдельно – плетеные из луба, ивняка и еловых корней боевые личины, чтобы прикрыть лицо в бою и напугать врага. Много чего висело на стенах, но не это оружие привлекло внимание Луни – в красном углу, на белых, рыжих и черных шкурах туров, медведей и зубров висело новое оружие, оружие, делать которое родов научили ары: бронзовые секиры с прямыми и полукруглыми лезвиями, такими сподручно развалить противника от плеча до крестца одним ударом, кожаные безрукавки-брони с нашитыми на груди и спине бронзовыми пластинами – для защиты, длинные копья с крюками на концах – против конного хороши, пернатые шестоперы – ими и резать, и глушить можно, высокие шеломы, блестящие в полумраке натертыми боками, и самое ценное и заманчивое – мечи, мечта каждого подростка в любом из родских городищ, бронзовые, в два и три локтя длинной, широкие у основания и острые на конце – арской работы, пригодные больше для конного боя, а длинные, с закругленным концом и без крестовины у рукояти – родские, годящиеся и для жаркой конной рубки в степи, и для ратовища на лесных полянах.

Посреди мечей и кинжалов висел меч вожа, подарок из

далекой страны Ом, от правителя с чудным именем Ци. Был этот меч длиннее прочих на поллоктя, имел черный клинок и сделан был не из бронзы, камня или кости – из неведомого не только родам, но и арам металла, зовущегося железом, твердого, тяжелого и острого.

Меч вожа легко рубил древесный ствол в три ладони толщиной, перешибал бронзовый прут, а на бронзовых мечах оставлял глубокие засеки. И еще – зело кровожаден он был, и когда долго висел без дела, сам собой покрывался бурыми пятнами засохшей крови, словно намекая хозяину, что неплохо было бы взять пару вражьих жизней, омыть черное лезвие горячей влагой жизни...

Все это Луня разглядел, вспомнил – и запомнил в один миг, а вож между тем достал из каменного ларца кожаный чехол и вытянул на свет длинную, в локоть, и широкую, в ладонь, костяную пластину, всю, с обеих сторон, покрытую мелкими узорчатыми писменами аров – глагами.

Шык принял пластину из рук Бор, повертел ее в руках, и углубился в чтение. Луне было сильно любопытно – что пишут из Ар-Зума Шыку, и он едва сдержал себя, чтобы не заглянуть волхву через плечо.

Шык закончил читать, выпрямился, посмотрел Бору прямо в глаза:

– Беда идет, вож! Из глубин неба, из Звездной Бездны движется к Земле нечто невиданное, что грозит смертью всему живому. Великий мудрец и чародей аров Вед зовет меня

к себе – одному ему не по силам совладать с этой напастью! Подозревает он, что злыми чарами вызвана та беда, но что она суть, он не знает, как не знает и того, кто вызвал ее. Вед скликает всех волхвов со всех стран Хода, хочет сообща с напастью совладать. Надо ехать, вож! Луны!..

– Как же так! – перебил негромкий голос волхва бас воеводы Скола: – Это сейчас-то, когда нежить так и прет из-под каждой елки! Куды ж мы без волхва-то? Вон, оборотня-то он ловко как! А без волхва сколь народу-то зазря положили б?! Вож, скажи – без волхва пропадем ведь!..

Бор поднял руку – и Скол замолчал, недовольно хмуря брови и жуя рыжеватую бороду. Был воевода силен в бою, умен и честен, превыше всего ставил он благо рода, как баба-кликуша, рыдал над каждым убиенным родичем, и мстил потом, страшно и беспощадно, вырезая супостатов, будь то люди или нелюди, без разбору, до последнего.

Ни орды диких корьев, ни ватаги злобных громов с севера, ни призрачные рати ночных убийц-цогов последние несколько лет не отваживались совершать набеги на земли родов, и все благодаря Сколу – с малой дружиной бросался он в погоню, и еще ни разу не было такого, чтобы Скол не привез чашу из черепа вражьего вожака в дар святилищу Руя на Ратной горе.

Радел Скол за всех родов, потому и молвил слово поперек главного волхва. В самом деле – против телесных врагов совладаем, не в первой, а с нежитью поганой кто лучше волхва

управится?

Но вож решил иначе. Дождавшись тишины, ударил он открытой ладонью по столу, ударил так, что ополовиненная ендова с медом подпрыгнула, словно легкий желудь, и неожиданно тихо сказал:

– Про беду, что Вед пишет, мне ведомо. Был я третьего дня на Лысой горе, в скиту у Седых старух, что Алконосту служат, и было мне сказано вещее слово, в кое верить страшно. Сгинет наш род, и все другие рода, а может и так случиться, что все люди на земле сгинут...

И еще там было – про волхва и отрока, и отрок этот может начать новое время, спасти людей... Вот так, Скол. Шык, собирайся, видать, твоя доля – в Ар-Зум ехать. И Луню с собой бери – если про него Седые говорили, конечно. А не про него – так вреда не будет, дорогой ты его поучишь волхованиям своим, там-то он на воево поле не сбежит!

Бор неожиданно подмигнул Луне, мол, знаю все, парень, но уж не взыщи, без тебя обойдемся...

* * *

Сборы получились долгими. Шык в избе возился со своими оберегами, амулетами и травами, укладывая их в чародейскую котомку, а Луне поручил собрать весь хозяйственный припас. Луня потрянул волосами – все сделаю, мол, и принялся за дело.

Копченое мясо и птица, полбяная мука, сушеная рыба, медвежий и гусиный жир в туесках, сушеные яблоки и травы для взваров, мед и моченые ягоды, отдельно, в берестяном коробочке – соль. Потом – вещи: сменные рубахи и порты, два теплых плаща на медвежьем меху – чтобы Влес помог своим, случись что, обмотки на ноги, онучи и катанки – Шык говорил, на перевале снега даже летом лежат и холодина. Еще – кожаные дождевые плащи, палатка-шатранка, ночевники – мешки из оленьих шкур, чтобы спать в тепле, рукавицы, липты – меховые чулки на ноги. Уф!

Ах да,стряпной припас! Котелок медный для мяса и похлебки, другой, поменьше, с узким горлом – для взвара. Ножи, вертела, бронзовый прут, который не перегорает над костром – чтобы вешать котелки. Ну, вроде все. Это только в детских сказках герои налегке через полземли ходят, а тут на седмицу идешь, а припаса на цельную луну брать надобно – мало ли как все обернется!

Теперь главное для Луни – оружие. Меча ему не положено, а жаль. Ну да ничего – в оружной видел Луня цогский кинжал в полтора локтя, почти что меч, его он и возьмет. А еще – верный охотничий лук, отцову рогатину с широким бронзовым наконечником, пару дротов – на мелкого зверя и человека, если таков напасть отважится. Хорошо бы еще щит, но щиты только воям дают, да и то когда вся дружина в поход идет. А вот шлем в оружной горнице Луне дадут, не литой, как у вождя, конечно, но вполне справную кожаную

шапку с бронзовыми пластинами поверху. И бронь дадут, и наручи. Только вот таскать все это...

Шык вышел из своей избушки, когда Луня уже закончил собирать припасы, оружился, привел из стойла шестерых арских коней-арпаков и теперь навьючивал им на широкие спины мешки с вещами. Вокруг стояла большая толпа любопытных, в основном детвора, бабы, старики да старухи – взрослых мужиков собрал на войском поле недовольный Скол и гонял до седьмого пота – а что, времена идут дурные, так готовым надо быть, и секиру в руках держать крепко! О мертвом аре и костяной грамотке знали все в городище, лишь пророчество Алконоста скрыл до поры вож от родичей.

Роды перешептывались, глядя на важного Луню, деловито управляющегося с походным скарбом. Девки хихикали в ладошку, а как же – жених растёт, будет он волхвом или нет, там поглядим, а на сеновале в Яров день с таким пообжиться любо – нравы у родов вольные...

Шык окинул взглядом Лунины приготовления, посмотрел на блестящие начищенной бронзой доспехи, усмехнулся, и принялся сгружать с лошадей мешки и вытряхивать их содержимое на траву у дома.

В сторону полетели ночевники и шатровка, вертела и один из котелков, туюски с жиром и медом, кожаные плащи, и еще много чего, собранного рачительным и любящим, как и каждый юнец, всласть вкусно подхарчится, Луней.

Сам Луня стоял, красный, как рак, и не знал, куда девать глаза. Вокруг уже откровенно хохотали, особенно старались бабули-болоболки, так и сыпали подначками, так и подковыривали Луню...

Шык отвел в сторону двух коней, на оставшихся повесил в четверо полегчавшие сумы, потом, как бы между прочим, проходя мимо, шелкнул желтоватым крепким ногтем по пластине брони и коротко бросил:

– Сними, оставь это! И копыта с дротами тоже...

И вот, наконец, двое всадников, ведя в поводу двух заводных коней, подъехали к воротинам городища. Здесь их уже ждали – вож, воевода, старейшины, и толпа родичей. Шык спешился, не спеша подошел к вожу:

– Ну, Чур вас храни, Род защити! Лихом не поминайте, вида не насылайте! Прощевайте, родичи!

Нестройный хор голосов попрощался с волхвом. Шык вскочил в седло, но тут раздался голос Бора:

– Луня, погоди-ка!

Вож шагнул к пареньку и протянул ему что-то длинное, завернутое в черную турову кожу:

– Видел я тебя на воевом поле, стараешься! Молод ты, да нужда заставляет. На, носи, да чести дедовской не осрами! Ну все, защити вас Род!

И Шык с Луней выехали из ворот родного городища. Перед ними лежала дальняя дорога...

Едва городище скрылось из виду, как горящий от нетерпения Луня развернул черную кожу. Развернул – и остолбенел! Меч! Настоящий мужеский меч, да не простой, а из славных, Красный меч воеводы Руга-Огневека, Луниного прадеда по матери! Воистину, дорогой подарок сделал ему вож!

Меч и впрямь хорош: два с лишним локтя длиной, прямое темное бронзовое лезвие, добро заточенное, недлинные рога крестовины загнуты к острию – чтобы с коня рубить было сподручнее, рукоять оплетена мягкой замшей, а в шишак на конце вделан алый камень-самоцвет, из тех, что Цмок приносит. Смолевые сосновые ножны крашены красной охрой и окованы бронзовыми накладками. Луня завозился, подвесив меч у пояса, с правой стороны, потом перевесил цогский кинжал слева – он теперь для левой руки будет.

Шык подъехал ближе, перегнулся с седла, разглядел меч и одобрительно цокнул языком:

– Хорош! Ты, Луня, на меня не серчай, что я тебе перед все родом на посмешище выставил. Больно много ты припасу взял, нам ехать быстро придется, не до возни со всем этим будет.

– Да-а! – уже забытая обида скребнула Луню: – А как без ночевников да шатровки спать-то? Чать, под крышей не скоро окажемся?

– Скоро не скоро, а не пропадем, Род даст! – уклончиво ответил волхв и шлепнул коня пятками: – Давай-ка на рысях пойдем, к ночи надо Синий камень минуть и на Ход выйти! Там балаган для торговых гостей есть, там и заночуем.

От городища Влеса до Хода было полдня конного пути. Луня уже бывал на Ходу, да и окрестные леса знал вдоль-поперек, и поэтому ехал спокойно, головой не вертел, – а чего вертеть, вон речка Звинь, вон Белкова Роща, с севера тянется Чахов бор, там сейчас как раз самая малинная пора...

Солнце палило с голубого летнего неба, бешено стрекотали кузнечики, свистели и перекликались птицы в перелесках, высоко-высоко над бором парил ястреб, выслеживающий на полянах тетерок. Благодать, тишь, покой.

«Куда едем, зачем едем?» – размышлял разомлевший Луня, крепко сжимая бока своего коня коленями: «Что ж беда там у аров приключилась, что всех волхвов со всех земель собрать понадобилось?»

– Дяденька, а что, много людей на земле живет? – спросил Луня у Шыка, поравнявшись с конем волхва.

– А как ты сочтешь их? – вопросом ответил тот: – Ты белонок в бору сочтешь? Так и людей – всех не пересчитаешь! Хотя, слышал я, что ары пробовали счесть народы Хода...

– И чего? – заинтересовался Луня.

– Много получилось... – уклончиво ответил Шык: – Сотни сотен, как звезд на небе. Вед, к которому мы едем, он лучше тебе объяснит, он магию чисел придумал, ею все счесть

можно, не только пальцы на руках...

И снова замолчали. Когда кони на рысях идут, не больно-то поговоришь, а арские арпаки такой рысью цельный день бежать могут, хоть порожние, хоть со всадниками. Выносливы арские лошадки, густая шерсть их от мороза и от зноя одинаково защищает, да и кровососам, слепням, оводам и кусучим мухам-пивцам сквозь шерсть не пробиться.

Кони мчались над рекой, и Луня откровенно скучал, лениво озирая окрестности, примечая малейшие движения вокруг. Вон плеснула в воде щука, гоняя рыбью мелочь, вон вышел на той стороне к водопою сохатый, фыркнул, увидав людей, но быстро успокоился – далеко они, неопасно.

Вдруг Луня заметил на дальнем краю прилесной луговины крупного зайца, большими прыжками мчащегося по полю:

– Дяденька, чтой-то русак расшалился! – крикнул он Шыку, указывая рукой на зайца.

Шык только глянул – и тут же остановил своего коня. Следом послушно встали заводные лошади, что везли дорожный припас. Луня натянул повод, и недоуменно посмотрел на волхва, мол, что случилось?

– Не заяц это, Луня... – негромко проговорил тот, всматриваясь в прыжки серого зверька.

– А кто же?

– Арысь! Арыська, по полю скачет, беду кличет! Недобрый зверь, вещей! Тело – как у русака, а личина – бабья! Ох,

быть беде, Луня!

– А может, его это... Стрелой! – Луня потянулся к саду за луком: – Я ближе подкрадусь, трава вона высоко стоит, и свалю!

Шык с улыбкой посмотрел на парня:

– А аспида ты стрелой свалишь?

– Нет! Так то аспид, он зачарованный...

– Арысь тоже не проста! Вреда от нее большого нету, но сама она – знак, и знак злой! Как Влес учил, м-м-м:

Всякой твари пить, кушать надобно,

За добычею гон устраивать.

Нет корысти в том, нету умысла.

Так устроилось испокон веков.

Лишь арысь одна не блюдет уклад,

Ей беда людска – вот и пиршество.

Она жрет ее, она пьет ее,

Пока та беда не убьет ее!

– Чур нас, чур от этой нечисти!

Шык сотворил из пальцев фиговину, повертел ею в сторону диковенного зверя, плюнул на четыре стороны и хлопнул коня ладонью по крупу:

– Вперед!

Глава третья

Северные бугры

Солнце стало клониться к закату, длинные тени от дальнего бора издали казались черными. Колыхалась впереди зыбкая марь от нагретой за жаркий день земли, пряно и сладко пахнуло ветром с приближающейся луговины. Там речка Звинь круто заворачивает к югу, бор на севере отступает, и раскинулся в этом месте широкий заливной луг, где самая сладкая трава, и где род Влеса косит после Ярова дня сено для скотины, для коней, турьих коров, что дают молоко, и для ездовых лосей, на которых зимой сподручнее всего ездить по лесам.

Посреди луговины лежит громадный камень, с добрую избу величиной. На рассвете и на закате отливате камень синим, за то так и прозвали – Синий камень. На боку камня, со стороны восхода высечены на камне две личины, пучеглазые и зубастые. Кем высечены, когда – того людская память не сохранила. Роды считают, что это духи, хозяева лугов, и перед косьбой мажут каменные рожи коровьей кровью, молоком и медом, чтобы не гневались хозяева, чтобы покос удался, чтобы травы не сгорели в стогах, не горчили и скотина с них не пухла.

У этого Синего камня и принял смерть гонец-ар, и Шык, едва впереди показалась округлая спина гигантского валуна,

махнул Луне рукой – подъедем, поглядим.

У камня спешились. Луня сноровисто связал поводья ко-ней, набросил кожаные ремени на ноги – арпаки норовисты, оставишь без присмотра – вихрем умчатся, и до ночи будут бродить окрест.

Шык подошел к камню, обошел его кругом, присел на корточки у жутких ликов, простер руки и закрыл глаза, а гу-бы быстро-быстро забормотали слова наговора.

Луня в почтении замер наподолеку, внимательно вслуши-ваясь в наговор – волхв просил духов камня подсказать ему, что за злая беда приключилась тут прошлой ночью.

Место смерти ара искать было и не надо – в трех шагах от камня трава, уже поднявшаяся вновь после луну назад свер-шенной косьбы, была смята, вытоптана, а посредине черне-ла огромная лужа запекшейся, почерневшей крови. Рядом выпирал из травы уже вздувшийся на жарком солнце живот мертвого гонцова коня. Луня, вертя головой, чтобы вонь от мертвечины не лезла в нос, осторожно обошел место гибели ара, зорко вглядываясь в траву – вдруг высланные вождем поутру вои, что привезли ара, чего-то пропустил, не нашли?

Смотрел-смотрел – и высмотрел, правда, не рядом, а в стороне, далеко от кровавого пятна. Заходящее солнце, благой Яр, бросил луч так, что он отразился от начищенной бронзы и уколол глаз Луни.

Луня подошел и нагнулся – в траве лежала остроконечная шапка белой кожи, с бронзовым бубенчиком гонца и крас-

ным значком-змейкой спереди. Далеко отлетела шапка, не иначе, гонца вышибли из седла на всем скаку, подбив коню ноги, и ар умер от удара о сырую земли еще до того, как неведомая тварь начала ломать и корезить его тело.

То, что гонца убила нелюдь, Луня знал, и не только ужасный вид мертвяка в горнице Мары говорил об этом. Нелюдь, не вся, конечно, не оставляет следов, не пахнет и выследить или учуять ее невозможно простому человеку, а все потому, что пользуется нелюдь чародейством, и чары те всегда людям во вред направлены.

Таковы и кики, и одноногие дивы, и лешья, что зверями оборачиваться умеют, и блудливые шишиги-срамницы, таковы все твари Черного леса, как говорил про них Шык, и много всякой мелкой и крупной нечисти, с которой у человека разговор короткий: на клинки да в огонь, Рарогу на радость...

Шык закончил ворожить, выпрямился и только развел руками:

– Молчат, чтоб им рожи перекосило. Боятся они, боятся! Духи, – а боятся. Крепко тут кто-то дрогов погонял, напустил на все живое страху, чуешь, Луня, тишина какая стоит?

Луня чуял: кроме всхрапывающих от соседства с убитым собратом коней ничего вокруг слышно не было. Не трещали кузнечики, не заливались луговые пичуги, и даже ветер умер, убитый зноем и страхом. Луню передернуло, он сотворил из пальцев войский знак против дрогов, чтобы не отни-

мали силу и смелость, и пошел распутывать коней – пора было ехать дальше.

Уже сидя на арпаке, Шык долго разглядывал поданную Луней шапку гонца, потом вернул парню:

– Сбереги, пригодится, чар на ней нет. Как я и думал, ар был из клана Молнистого Огня, клана воинов, разведчиков и гонцов. Не так-то просто застать такого врасплох...

До Великого Хода дорысили, когда солнце уже наполовину село в дальний бор. Ход появился из-за стены деревьев широкой прогалиной, на которой не росла трава. Прогалина-то прогалина, а Луня знал, что ни с той, ни с другой стороны нету у этой прогалины конца...

Шык говорил, что ары вложили в Ход немало своего чародейства, и трава теперь Ход не засоряет, и нежить не суется, да и лихие люди не балуют. Верно это или нет, но едва странники приблизились к пыльной полосе безтравяной земли, кони радостно заволновались, словно почуяли что-то родное, и уверено ударили копытами в пыль, зарысив по Ходу на север.

Дорога недолго шла лесом – солнце еще не совсем село, когда лесные стены слева и справа вдруг круто ушли в стороны, и перед Шыком и Луней открылись сильно холмистые просторы Северных Бугров. Холмы, рощи, овраги, кусты, ручьи и речушки, и так до самого горизонта во все стороны – и на полночь, и на восход, и на закат. Лишь с полудня темнели дубовые родские боры.

– Все, тут земли наши кончаются! – крикнул Луня Шык: – По Буграм три дня пути, а потом начнутся земли корья, а там и до чудей недалеко! Вон балаган, у ближнего холма, там и родник есть, и очаг. Там ночевать будем!

Балаган, длинный сарай, сложенный из половин тонких березовых стволов, крытый корьем и соломой, притулился возле самого Хода, гостеприимно распахнув широкую дверь на кожаных петлях.

Внутри действительно нашлись и очаг, и запас дров, и сено для коней. Луня высек огонь, сходил за водой на родник, что пел свою вечную песенку у подножья холма, приладил котелок на свисающей с закопченной потолка медной цепи, нарезал мяса, приготовил все для еды и позвал волхва.

Шык, обтерший коней сухим сеном, теперь наблюдал, как они хрупают пахучие стебли, прядя ушами. Не просто смотрел, а примечал – нравится тут коням или нет. Арпаки – не просто кони, дурное место они издалика чувят, чувят – и обходят стороной, ни есть, ни спать там не будут. Но тут, в балагане, коням нравилось, и Шык успокоился.

Поели, попили взвару с медом, пожевали сухих яблок, и собрались на боковую. У Люни все тело после полднейной скачки с непривычки болело и ломило, а уж о том, что поутру будет, и вообще думать не хотелось. Парень уже было совсем наладился завалиться в душистое сено, но тут Шык дернул Луню за рукав:

– Пошли, охранный круг будем ставить и обереги вешать!

Луня, сплюнув с досады, встал, – а куда деваться? и пошел за волхвом.

Вышли на улицу. Шык взял свой знаменитый посох, обвел им вокруг себя, приговаривая: «Сила людская, Яр-огонь, Влес-Род, Чуры-заступы, оберегите, охороните, в беде не покиньте, душу не киньте...», и начал чертить посохом полосу, постепенно обводя ею весь балаган, оставляя себя и Луню внутри очерченного места.

Чертил бы себе и чертил, но Луню вдруг как подкинуло – полоса начала светиться! Зеленоватым, хорошо различимым в сумерках светом, каким горят кикины трухлявые кости под пнями в лесу! Вот так чародейство! А Луня-то, лопух, втайне думал, что Шык, как и любой волхв, только лишь Лихих Раден, будь они неладны, заговаривать умеет!

Шык покончил с кругом, завел Луню внутрь балагана, притворил дверь, достал из своей котомки несколько фигурок и велел Луне развесить из у входа.

Фигурки эти Луне были знакомы: Чуры, предки предков родов, духи-заступники, что защищают родовичей от зла и лиха...

Луня развесил Чуров на березовых сучках, сказал слово, положенное при этом, рухнул, зарылся с головой в мягкое сено и словно в болотину, провалился в сон...

Проснулся Луня, как привык, с первыми лучами Яра. Выпутавшись из теплого, нагретого за ночь сена, парень потянулся и тут же скривился от ломоты во всем теле – вчерашняя скачка давала себя знать.

Луня, крехтя, как старый дед-болотовик, разогнулся, встал, окинул взором внутренности балаган, освещенные пробивающимися сквозь щели в стенах лучами восходящего солнца, возблагодарил Яра, и Рода, и Влеса, и принялся за хозяйственные дела.

Шык, как и положено волхву, спал. Чем больше спит волхв, тем лучше, это всякий знает, а не то с недосыпу наворожит он такого, что сам Влес потом в год не развертит.

Дел у Луни по утру было много – коней напоить, огонь развести, сгоношить завтрак, утряню по-родски, уложить вещи, а уж потом разбудить Шыка.

Но это все – дела, а прежде был долг: снять с входа Чу-ров, приголубить, помянуть каждого и уложить в чародейскую котомку волхва.

Луня осторожно снимал с сучков кожаные ремешки с фигурками предков, каждого ласково оглаживал, про себя называл имя, и бережно укладывал обереги в кожаную котомку.

Чуры лишь тогда силу имеют, когда их помнят, когда лас-

ковое слово скажут, приголубят. На то они и предки, большого им и не надо. Имена их каждый род в душе носит, но вслух никогда не говорит – вдруг нечисть какая подслушает, и пойдет трепать доброе имя по всем сучкам и кочкам, по болотам да чащобам. Чур враз от этого силу потеряет – и уснет, пока сильный волхв, три на девять дней отпостившись, не сговорится с ним, очистив имя предка от скверны. С Чурами – первейшая из всех ворожб, ворожба Слова...

Когда основные дела были завершены, Луня не утерпел, выскочил из балагана, достал оружие и поупражнялся с клинками. Цогский кинжал, с широким листовидным лезвием, похожим на ивовый лист, удобно лежал в руке, и Луня долго вертел им, защищаясь и нападая на воображаемого противника.

А вот меч оказался тяжеловат. Луня телом пошел не в материнскую родню, там все были кряжистыми, широкоплечими, а Луне от отца достался высокий рост, длинная шея, худоба, и та мужская стать, которую роды шутя называют «журавлиной». В тайне Луня страдал по этому поводу, стараясь до изнемождения упражнять худое тело на войском поле. Но там тяжелый учебный кол можно было взять двумя руками, а прадедов меч имел короткую рукоять для одной руки, и сделав несколько выпадов, Луня понял – не по нему пока этот клинок. Пока...

Парень сунул меч в ножны, и пошел будить волхва – вода в котелке уже закипала, пора было утрянить – и в путь.

По Луниным понятием, Яр уже высоко, на полладони с пальцем, поднялся над горизонтом, когда они покинули гостеприимный балаган и выехали по Ходу на полуночь.

Сегодня было не так жарко, как вчера. Налетавший временами с заката ветерок притащил длинные, взлохмаченные полосы облаков, похожие на нечесанные косы девок-нерях, солнце пряталось меж них, и тогда окрестные холмы приобретали какой-то загадочный, даже зловещий вид.

В Буграх рысью идти не удавалось – Великий Ход беспристанно крутил вокруг холмов, то нырял вниз, то полз вверх на склоны, часто приходилось бродом перебираться через неширокие и мелкие по летнему времени речушки.

Шык, отмахиваясь березовой веткой от слепней, всю дорогу рассказывал Луне про повадки нежити Черного леса. Волхв считал, что самым опасным местом на их пути будет именно этот клятый всеми путниками лес, и хотел, чтобы не только он сам, но и его молодой спутник был готов к неожиданностям и опасностям.

В полдень сделали дневку, напоили неуставших еще, бодрых коней, пожевали, что Род послал, и двинулись дальше. Луню весь день мучил один вопрос, и воспользовавшись молчанием волхва, он спросил:

– А тут, в Буграх, живет кто-нибудь, а, дяденька?

Шык блеснул выкаченным глазом по сторонам – с чего это парень спросил, уж не чужих людей ли приметил? Не заметив ничего опасного, смел с лица вытрепанную ветром

седую прядь, заправил под кожаный ремешок, и кивнул:

– Живут, Луня, живут какие-то, да только мало их, и кто такие – неведомо. Наши дозоры и догляды вроде видали тут по ночам огни костровые, и кострища находили, и следы, но ловить нарочно никого не стали – земля тут уже не наша, местные нам не угрожают, врагам не помогают, живут сами по себе – ну и пусть живут...

Нельзя сказать, чтобы слова волхва успокоили Луню – с самого балагана чувствовал он на себе словно бы чей-то глаз, так бывает, когда ночью скрадываешь выдру у ручья, и вдруг понимаешь, что с ближайшей лесины на тебя глядит филин...

Потом Луня вспомнил бабку Вожу, которая заменила ему мать, вспомнил друзей и подружек, детские забавы, игры и праздники родов, и подивился вдруг нахлынувшему чувству острой тоски, тоски по дому, по родному городищу, где родился, вырос, где всегда чувствовал себя под защитой, где был покой...

Теперь, в одночасье, все переменялось. Еще вчера утром Луня и не помышлял, что покинет дом, а сегодня он уже далеко от него, в дороге, на пути в неведомые земли, а в попутчиках – знаменитый волхв Шык Костяная Игла, могучий чародей, знахарь и мудрец. Могучий-то могучий, да только теплого слова от него дожидаться ох как трудно, все больше воркотня и поучения, а Луне сейчас именно тепла и недовставало...

Великий Ход меж тем начал забирать к восходу. Вскоре Луня увидел у дороги высокий, конному по плечо, каменный столб, даже не столб, а каменного истукана, с плоским лицом, сложенными на животе руками, на кривых, в калач заплетенных ногах.

– Это Ходов Страж! – пояснил волхв: – По всему Ходу стоят такие, в дне-двух пути друг от друга. Есть деревянные, есть каменные, есть костяные, есть из глины, и даже из шкур и ветвей. Дай ему напиться, и поедем дальше...

Луня соскочил с коня, подбежал к идолу, плеснул из баклаги в каменную миску у ног странного божества, и уже когда они отъехали порядочно шагов от Стража, понял – чужой глаз исчез, никто больше не следит за ним!

– Это Он за тобой смотрел! – усмехнулся Шык: – Стражи испокон веков на Ходу стоят, все-ех проезжих и прохожих запоминают. А за новыми следят – кто, что, и как. Ты ему напиться дал, он тебя признал, запомнил, больше следить не будет.

– А следующий? – спросил Луня.

– Поглядим... – уклончиво ответил Шык, пуская коня рысью – впереди была большая ровная пустошь, холмы отступили, и лишь посреди плосковины возвышался небольшой пригорок, на котором росла корявая, причудливо изогнутая, необхватная луговая сосна.

Сосна, по родским повериям, – дерево Зевы, богини охоты, покровительницы охотников и рыбаков. Телом Зева

крепка, как сосна, так же стройна и высока, волосы у нее цвета сосновых иголок, а кожа – цвета сосновой коры. Отважна Зева, быстра и беспощадно к тем, кто зверя или рыбу не по ее уложению промышляет.

Но не все сосны такие, как Зева. На луговинах, на больших полянах растут иные – крученные-перекрученные, с причудливо изогнутыми ветвями, с широкими, раскидистыми кронами. Про такие сосны говорят, что это те охотники, которые Зевовы законы не чтили, самовольно, без слов нужных и нужды особой зверя губили. Губили – и сгнули бесследно в глухих чащобах...

Грозная Зева обернула их корявыми луговыми соснами и выслал из родных лесов – на век стоять одиноко, устрашая взоры других людей.

У луговой сосны Шык и Луня спешили, подошли ближе и повязали на нижние, бронзой отливающие ветки, лоскуты ткани. Таких лоскутов, шнуров, ремешков, и плетеных травин немало накопилось на ветках дерева за долгую его жизнь. А вяжут их для того, чтобы хоть как-то скрасить тоскливую судьбину одревеневшего охотника. Поиграет ветерок с ленточками, лоскутами да ремешками, глядишь, и Зевову пленнику веселей будет.

– Дяденька, ктой-то там, в вершине, ворохтается? – вдруг удивленно спросил Луня, задрав голову.

В кроне великанши-сосны и впрямь слышался треск ветвей, летела вниз хвоя и корьевые шелушки, простучала по

веткам и упала под ноги Шыку крупная шишка...

Волхв отошел на несколько шагов, глянул вверх, и внезапно потемнев лицом, зашипел на Луню:

– Никшни! Ползи ко мне, только тихо, а то спугнем!

Луня, ничего не понимая, пригнулся и мелкими шажками приблизился к Шыку, который пристально вглядывался в хитросплетение веток в вышине.

Сперва Луня ничего не увидел, потом разглядел крупное тело, явно крылатое – серые крылья, поболее лебединых, всплескивали в ветвях, хлопали, точно лняные полтница, вывешенные для просушки. Луня уже наладился спросить у волхва, что за невидаль такая бьется в ветках, но тут таинственная птица перескочила на более толстый сук, уцепилась за него когтистыми лапами, сложила могучие крылья и Луня наконец разглядел ее. Разглядел – и обмер!

А обмереть было от чего – вовсе не птица сидела на сосне! Нет, крыльями, широким хвостом, выгнутыми лапами с мощными кривыми когтями она и впрямь походила на очень крупного орла, что водятся в степях южнее родских лесов. Но вот там, где у орлов полагалось быть оперенной шеей и точеной гордой голове с желтоватым, крепким, хищно загнутым клювом, перья переходили в белую девичью кожу, украшенную ниткой бирюзовых бус, и на изящной шейке, которой позавидовала бы любая родская красавица, сидела неправдоподобно красивая женская головка: чуть капризный, кривящийся в усмешке рот, дугой выгнутый смоляные

брови, огромные глаза в опушке длинных ресниц. Тяжелые косы, рыжевато-каштановые, спускались по обе стороны головы, свисая почти до лап, в их концы были вплетены голубые ленточки...

Все это Луня разглядел в считанные мгновения, пока чудо-птица устраивалась на ветке. Но вот она завертела головой, заметила людей и глянула на них своими глазами. Луне обмер, волосы зашевелились на голове, выпал из рук лук, который он достал в самом начале, решив, что можно будет поохотиться на крупную птаху...

В самое Лунино сердце заглянула птица, и глаза ее, синие-синие, как чащобные цветы-фиалки, запомнил он на всю жизнь.

– Зул-кадаш! – вдруг тонким девичьим голос сказала птица. Помолчала, склонив длинную шею, и вновь:

– Зул-кадаш! Зул-кадаш!

И взмыла в воздух, раскинув огромные крылья, понеслась над полем на закат, и еще несколько раз раздалось в вышине:

– Зул-кадаш! Зул-кадаш! Зул-када-аш!

Птица скрылась за дальними холмами, а Луня все еще стоял в оцепенении, пока Шык не встряхнул его.

– Что... это?... – еле ворочая языком, спросил Луня волхва.

– Гамаюн, птица вещая... – тихо ответил тот, нагнулся, подал Луне упавший лук, не оглядываясь, пошел к коням, крикнул оттуда:

– Не стой столбом, ехать пора!

Луня опомнился, сунул лук в сад, и придерживая меч, чтобы не бил по ногам, побежал к лошадям.

Долго ехали в тишине, наконец Шык нарушил молчание:

– Великое диво мы с тобой увидали сегодня, Луня! Когда я еще отроком вроде тебя был, рассказывал мне одни волхв из младшего рода, что далеко-далеко, за горами, за лесами, за морями и пустынями есть заповедная страна, зовется Ирием. Там вечно лето, всегда тепло, растут диковенные деревья, травы и бродят удивительные звери. И живет в Ирии Гамаюн – птица вещая. Тело она имеет птичье, а личиной на красну девку похожа. Редко, очень редко покидает Гамаюн Ирий, и только для того, чтобы что-то очень важное для всего рода людского вещать... И видится она только тем, кто из слов ее пользу извлеч сможет. Вот так-то, Луня!

– А не поблазнилось нам это, дяденька? – спросил Луня, хотя в душе и сам знал – не поблазнилось, не бывает таких видений, взаправду все это было.

Шык только покачал головой, нет, мол, и надолго замолчал, думая о чем-то, а когда заговорил вновь, то спросил:

– Луня, скажи мне, как ты думаешь, что такое «Зул-кадаш»? Гамаюн зря кричать не будет, но я такого слова не знаю, может быть, тебе это ведомо?

Теперь пришел черед Луни качать головой:

– Первый раз слышу, дяденька! Какой-такой «Зул-кадаш»?

День клонился к закату. Равнина кончилась, вновь пошли бугры, и Ход снова начал нырять вверх-вниз. Дальние холмы, высокие, по Луниным меркам, так и целые горы, за день сильно приблизились и теперь загораживали полнеба на севере.

Стемнело как-то неожиданно быстро, но Шык молчал, и странники продолжали ехать почти по неразличимой в сумерках дороге. Только когда взошла луна, вохвскомандовал останавливаться и делать стан.

Пужинали быстро – после полного дня пути, после встречи с Гамаюном и Шык, и Луния здорово устали, поэтому даже костер палить не стали, запили копченое мясо водой из ближнего ручья, Луния стреножил коней и пустил пастись, Шык провел два обережных круга, и завернувшись в шерстяные плащи, путники улеглись спать.

Не смотря на усталость и ломоту во всем теле, Луния уснул не сразу, ворчался, смотрел на темные ночные облака, на видневшиеся в прогалах меж ними холодные звезды, прислушивался к ночным звукам – шуршанию мышей в траве, далеким голосам каких-то птиц, перекликавшихся в холмах, но постепенно усталость взяла свое, и Луния уснул.

Что ему снилось, Луния так и не понял – разворачивалась перед глазами желтая лента Хода, вглядывались, казалось, в самую душу, огромные, дивные глаза Гамаюна, качались травы, свистел тихонько ночной ветер...

Луния проснулся резко, открыл глаза, огляделся и похоло-

дел – в неярком серебряном свете закрытой облаками Луны он увидел у внешнего обрешного круга темную фигуру человека!

Человек топтался на месте, протягивал к спящим руки, чуть приседал – и все это в гробовой тишине, не издавая ни единого звука. Луне стало страшно, так страшно, как не было еще никогда в жизни. Мирно посапывал чуть в стороне Шык, где-то бродили стреноженные кони, от ближайшей реки наплывали темные космы тумана, и Луня ощутил себя одиноким, брошенным, беззащитным перед неведомым гостем.

Осторожно, старясь не выдать себя шорохом, Луня потянулся к саду, вытянул лук, тяжелую зверовую стрелу с точеным бронзовым наконечником, лежа на спине, приладил стрелу на тетиву, растянул лук, на сколько смог, и выстрелил. Почему он это сделал, Луня и сам не знал. Надо было так – и все!

Тетива коротко тенькнула, стрела шуршанула гусиным пером и с тупым звуком ударила в грудь темной фигуры, в левую, сердцевую сторону.

«В кость попал!», – с каким-то холодным спокойствием подумал Луня, по прежнему лежа, и потянул из ножен цогский кинжал, ожидая, что человек вскрикнет, побежит...

Не побежал. Стрела, черной тростинкой торчащая из груди, казалось, не нанесла пришельцу никакого вреда. Человек по пржнему топтался у границы обрешного круга, и все так же протягивал к путникам черные руки со скрюченными

пальцами.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут зашевелился волхв, поднял голову, огляделся, вскочил, крикнул Луне:

– Огня высеки да запали чего-нибудь! – и принялся рыться в своей чародейской котомке.

Луния стряхнул с себя оцепенение, отбросил лежащий на груди лук, и стараясь не глядеть на зловещую фигуру, черным силуэтом маячившую в стороне, принялся высекать искры и раздувать трут.

Вскоре от трута занялась свернутая в шиш тряпица, и с этим подобием факела Луния шагнул к волхву, мельком все же глянув на ночного гостя. Глянул и отшатнулся – не человек вовсе пришел ночью к их стану!

Космами висели на голове свалаявшиеся волосы, кожа лица полопалась, синими струпьями обвисла, сочилась сукровью. Губ не было вовсе, а желтые длинные зубы торчали вперед, как у лошади.

Обрывки одежды, заляпанные бурой кровью и грязью, едва прикрывали вздутый черно-синий живот, кривые ноги переминались, готовые в любой момент шагнуть вперед, но страшнее всего были руки – скрюченные пальцы с длинными, обломанными желтоватыми ногтями, протянутые к людям, готовые вцепится в живую плоть, рвать, терзать ее...

– Да свети же, не стой, как истукан! – зло крикнул на Луню Шык, на ощупь разбираясь в своем чародейском хозяйстве.

Луня стряхнул с себя оторопь, сунул факелок под нос волхву, а левой рукой сотворил защитный знак от дрогов, духов, что насылали боязнь – уж больно страшным было топтавшееся в трех шагах чудище.

Шык наконец нашел то, что искал. В пляшущем свете догорающей уже тряпицы тускло блеснул лезвием короткий, узкий нож. Волхв повернулся к темной фигуре, шагнул на встречу, брезгливо, но проворно уклонился от протянутых лап и ударил ножом чуть ниже торчавшей Луниной стрелы.

Дико, жутко завыл пришелец, застонал, завизжал – и обвалился на землю, словно мешок с костями.

– Все! – выдохнул Шык, выдернул нож из груди убитого, воткнул несколько раз в землю, очищая лезвие, кивнул Луне:

– Разводи костер, погребать его будем! Дров поболее, да посуше! Не бойсь, ходи в темноте спокойно – эта тварь тут все живность распугала!

Долго ходить за дровами и не пришлось – у берега ручья, что журчал в ста шагах от стана, росла целая рощица диких яблонь. Луня споро нарубил здоровенную охапку узловатых ломких сучьев, поднялся на пригорок, где Шык сидел над мертвым телом и вел тягучую древнюю песню, провожая душу во владения Мары...

Погребальный костер сложили, как положено, челном. Труп жутко вонял тухлятиной, словно умер человек давно, но злая воля не давала покоя плоти и костям, таская его по здешним увалам. Луня уже понял, что так оно и было – умер

этот человек сам или был убит, неважно, но не похоронили его соплеменники, как должно, остался он гнить в чистом поле, тут и прибрала злая нежить неприкаянную душу, и стал человек навом, ходячим мертвяком, у которого лишь одна цель – кого бы из истинно живых сожрать. Навов все боятся – и люди, и нелюди, и животные, навов лишь огонь да обреж-ный круг остановить могут, а убить нава и вовсе нельзя...

Нельзя-то нельзя, а Шык – убил! Луния удивленно вскинулся – надо же, ведь все поверия родов обратное говорят – бессмертен проклятый нав, и пока плоть не разложилась, ходит он по земле в телесном обличии, а потом духом злоб-ным летает. А тут раз – и все!

Когда вдвоем уложили разваливающееся под руками тело на яблоневые сучья и Шык полил приготовленного к погребению особым маслом из маленькой каменной бутылочки, когда зажгли, как положено, огонь с четырех сторон и отошли в сторону, предоставив Рарогу исполнить святое – отде-лить душу, выжеч плоть до тла, Луния не удержался и спросил у волхва, как же тому удалось убить нава?

Шык усмехнулся, достал из котомки тот самый нож, сунул Луне в руки:

– Гляди! Видишь, из чего сделан? Железо это, настоящее, как на вожевом мече! Нежить железа пуще всяких оберегов боится. Редкий, ценный и дорогой это металл, и только им можно нежить отгонять, а таких, как нав или иг, лишить их злобной жизни и душу спасти! Запомни это, Луния, крепко

запомни!

Погребальный костер быстро сделал свое дело, и еще не засветилось небо на восходе, когда от тела того, кто пришел сюда в жутком обличии нава, остался лишь серый пепел.

Шык внимательно осмотрел дотлевающие угли, остался доволен, схоронил пепел в небольшой ямке и спокойно улегся досыпать – до утра было еще далеко. Луня тоже лег, но сон не шел к нему, еще бы – столько всего за два дня! И убитый ар, и арысь, и духи Синего камня, и Гамаюн, а теперь еще и нав! А Луня по глупости считал все это бабьими сказками, из тех, что рассказывают долгими зимними вечерами в Общей горнице, за надежными частоколами родских городищ, бабули-болоболки сопливым детишкам...

А выходит, что не сказки, на самом деле все! Но тогда и все остальное правда – и про Ирий, и про Пекло, и про игов с гарцами... Да-а, гляди в оба, Луня, страшновато жить на белом свете, ухо остро надо держать...

И в оба глядел, и ухо держал, а все равно уснул, и проснулся только когда яркие лучи восходящего солнца брызнули в глаза – утро пришло, конец ночным кошмарам!

* * *

Следующий день пути прошел спокойно. Странники ехали одиноко, словно по пустыни. Луня изо всех сил вертел головой, стараясь углядеть хотя бы копошащихся в траве сус-

ликов, но вокруг расстилалась мертвая, необитаемая земля, лишь вдалеке, над зелеными березовыми рощами, кружились лесные птицы.

Шык объяснил Луне, что нав, судя по раздутому брюху, давно бродил тут и распугал все живое. Навы жрут любую живность с теплой кровью, какую могут догнать, поэтому и пусто в буграх, пусто и тихо.

– Не пойму только, почему он коней наших не тронул? – удивлялся волхв: – Они же рядом паслись, стреноженные, убежать не смогли бы... Не иначе, Луня, то наговоренный нав был, и наговоренный – на нас...

Очень неприятно стало Луне от этих слов, продрал по спине мороз, но сейчас, ясным днем, было не до страха, и парень успокоился – Шык волхв могучий, мудрый, авось пронесет, доберутся они до загорной страны аров, доберутся, и Род даст, назад вернуться!

У подножья высоких холмов сделали привал, поели, напоили коней, и отправились дальше. Дорога пошла вверх, в гору, нудным тягуном.

– Сверху Ледяной хребет в ясную пору видно. – кивнул Шык на вершину холма, на который взбиралась дорога: – С этих бугров спустимся, еще день пути, и Ход на восход свернет, там еще семидица – и прилесье Черного леса. Тогда на рысях пойдем, и ночью догляд по переменке держать будем, готовся!

Луня только кивнул. Догляд так догляд, не впервой. На

охоте, бывало, по всей ночи не спишь, зверя скрадывая, и нечего. Выдюжим.

Когда поднялись на холм, Луня глянул вперед и увидел далеко, почти у самого горизонта, голубую зубчатую стену гор – Ледяной хребет. Тянется он от Соленого моря на закате до самого Серединного хребта, а за ним лежит Северна, северная земля, болотистая тундра, где бродят бесчисленные стада оленей и всяких других зверей, родам неведомых.

В самих Ледяных горах живут только мохнатые влоты. Похожи влоты на людей, только ростом вдвое превосходят, за то и зовут их роды великанами. Дикие влоты, огня не знают, орудий не делают, живут в пещерах и горных норах, едят любую живность, и людьми не брезгают, и в этом сходны с мерзкими навами, только влоты живые, из этого мира они, и чародейства в них никакого нет.

С той стороны Ледяных гор, в северных лесистых отрогах, живет еще проклятое племя гремов, от рук которых погибла мать Луни. Свирепы гремы, искусны в войском деле, жита они не сеют, живут охотой, рыбалкой да разбоем. По тайным проходам в горах ватаги гремов минуют горы и совершают набеги на чудов и корьев, что живут у южных предгорий. И лишь самые лихие заходят южнее, в земли родов, хотя и не было такого давно.

Луня вспомнил, как воевода Скол говорил про гремов: «Волосы их рыжи, и заплетены в косы, как у баб. На себе носят они шкуры и кожаные пояса. Есть у гремов луки и копья,

но бьются они обычно каменными секирами с длинными, в рост человека, рукоятями. В чести у гремов сила и смелость, в полон они не сдаются, убивают себя сами длинными косячными ножами, а ножи те крепки и остры, гермы их из клыков морского зверя моржа делают. Гремов лучше всего из луков бить, брони у них нет, или на копья принимать. А как дойдет до мечей, надо под секиру нырять и бить мечом прямо, колоть в горло или сердце, рубится же с гремами тяжело, ибо сильны они в рубке зело...»

С каким бы удовольствием, во славу Руя, нырнул Луня под каменную секиру самого могучего грема, и вогнал бы Красный меч в горло врагу, отмстив за мать! Вогнал бы... коли Влес бы пожелал. Но пока пути Луни и рыжих гремов не пересекались, а как там будет дальше, один Род ведает.

Глава четвертая

Злой Поворот

К вечеру высокие холмы остались далеко позади. Снова до темноты торопили странники арпаков, и лишь когда вывездило, разбили стан, поели и улеглись.

Ночь прошла спокойно, а под утро ветер нагнал туч, и костер пришлось разводить под нудным, мелким, морозящим дождем. Луня мучался-мучался – путных дров в этом безлесном месте не было, а стебли сухого бурьяна быстро напитались влагой и гасли, но вот проснулся Шык, присел, посмеиваясь, возле отчаявшегося уже Луни, дернул себя за бороду, простер над сухостоем узловаты пальцы, прошептал что-то – и из-под ладоней потянуло дымком, а потом и пламя показалось.

Луня смотрел на волхва, открыв рот, а Шык только хмыкнул и пообещал научить Луню наговору на огонь.

От дождя одежда быстро промокла, и Луня чувствовал себя, словно кошка, рыбалящая в ручье: и мокро, и противно, и уйти нельзя. Ладно хоть, дождик теплый, летний, Тряса ни прилипнет...

К полудню, когда они подъехали к чахлой придорожной роще, дождик перестал, небо прояснилось, Луня обсох и на привале с удовольствием развел костер безо всяких чар, обычным способом – кресало, трут, немного умения – и вот

уже Зничев цвет весело пожирает нарубленные топориком ветви.

Поели, напились взвару, малость отдохнули. Луня, насто-рожив лук, убрел на дальний конец рощи, и подстрелил жирную луговую куропатку – в ужин будет на столе дичинка, похлебку можно сварганить, хорошо!

Волхв похвалил охотника, подождал, пока Луня выпотрошил птицу, приторочил ее к седлу, и махнул рукой:

– Поедем давай, до темна Поворот надо проехать! Там, на Повороте, корья могут засаду поставить, на это они мастера, ну да ты не бойсь, на нас они не сунуться, им конных не догнать, не одолеть. Лук, однако, готовь – мало ли как обернется. Ну, поехали!

Луня вскочил в седло и поспешил следом за волхвом. От него не укрылась та перемена, что произошла с Шыком за последние несколько дней. В городище все знали волхва, как не шибко ласкового, ворчливого даже старца, мудрого, умелого, но замкнутого и не разговорчивого.

Теперь же Шык словно сбросил десяток зим. Разгладились морщины, распрямилась спина, по-юношески задорно заблестели глаза. Луне даже стало казаться, что волхву несладко было там, дома, в городище, и только в дороге он стал по настоящему счастливым...

Вчера, когда они съехали с высоких холмов, голубая цепочка пиков Ледяного хребта растяла в дальней дымке, но теперь уже и с самого Хода стали видны неясные контуры

горных вершин.

Каждый шаг коней, каждое мгновение все дальше и дальше отделяло Луню от дома, и постепенно он начал подпадать под великое очарование Дороги, новые, неизведанные прежде чувства пробуждались в душе, а голова, напротив, делалась ясной и чистой. Неспешно текли мысли, не мелкие, не суетные, как прежде, а какие-то удивительно яркие, чистые и, чем Влес не шутит, может быть, даже мудрые! Вон Шык, его за мудреца-то признали только после того, как он молодым совсем мужем к араам ходил. Чать, и Луню после странствий уважать начнут, «журавелем» обзывать перестанут...

Так думал Луня, а глаза уже привычно обшаривали местность вокруг – вдруг что-то интересное, важное углядеть удастся!

Слева, от заката, стали подступать к дороге леса. Северные Бугры оставались позади, холмы вокруг низжали, а роции и перелески становились все гуще, появились первые ели, но чужие, не родские. Дома ель зелена темной хвоей, строга и величава, а здешние были какими-то корявыми, с просинью, и выглядели зловеще.

Вскоре впереди раскинулась плесами широкая река. Ход свернул и долго вел путников вдоль берега, пока не привел к броду, довольно глубокому, коням по грудь, так что припасы пришлось перевозить в два захода, держа в руках над водой.

Река эта звалась у родов Бурей, за коварный нрав, за оби-

лие омутов, над которыми вдруг, ни с того, ни с сего начинали ходить высокие волны, словно и впрямь разыгралась на реке буря. Текла река Буря с Северных Бугров на закат, к Соленому морю, в земли неведомых Луне чуждей.

Шык всю дорогу рассказывал про окрестные земли, и так Луня узнал, что чуди живут вдоль Соленой воды в глухих болотистых лесах, живут дико, чужеземцем чураются, металла не знают, но умеют ворожить, строить дома, носят одежды из шкур, рыбьих кож и луба, чтут Мать-Сыру-Землю Мокошь, а в родах у них всем заправляют бабы.

Луня, конечно, поинтересовался, как у чуждей с войским умением, но когда услышал, что лесовики-болотники ратятся не любят, и от врагов убегают, скрываясь в своих дремучих лесах, сразу потерял к ним всякий интерес. Что это за люди, которые за себя постоять не могут, и как Яр только таким светит! А вот Уд от них точно отвернулся, силы мужицкой лишил, потому и бабы там верховодят.

Рассказывал волхв и про корью. Эти жили тут, уже совсем недалеко, и с ними ухо надо было держать остро. Шык обстоятельно растолковывал ученику:

– Дома свои корья ставят на столбах по берегам рек. Молятся они богу Паку, видом страшному, ящеру с пастью зубастой, из тех, что в воде живут. Искусны корья в строительстве челнов, долбят их из стволов дуба, на борта дощатые насады делают и плавают по рекам по всей земле своей небольшой, и в Соленое море выходят.

Едят, само собой, рыбу, охотятся, сеют какие-то травы да коренья, но жита не знают, добывают самородную медь, но не плавят, а куют ее холодной, потому у корья воинская справа пострашнее гремской будет.

Волхвы у корья сильны, могут и лихоманку наслать, и ледяным дыханием заморозить. Для волховства берут грибы, дурные травы, варят в котлах, пьют сами, и воям своим пить дают, от того вои страх теряют и нагие, с медными дубинами, напролом прут и в ратной ярости ни своих, ни чужих не разбирают.

Но это редко, когда на корью гремы или влоты, их северные соседи, нападают. Сами корья тоже в набеги ходят, но тут действуют иначе. В ходу у них костяные жала, остроги, с которыми рыбу промышляют. Мажут корья остроги вредными ядами, и у каждого яда своя сила. Одни дух из человека напрочь вышибают, и лежит такой человек ни жив, ни мертв, и может так лежать вечно.

Другие разума лишают, память мутят, род-племя свое забыть заставляют, с таким человеком что хочешь, сделать можно. Скажешь ему слово – и он пойдет за тобой, ровно козел на веревочке...

А третьи, самые страшные, движения человека лишают. Не навсегда, на время. А за это время корья успевают повязать человека, в полон уволочь и на себя работать заставить. И не человек получается уже это, а раб!

– Как-так – раб?! – удивился Луня: – Не уж-то кто-то

на чужбине, у поганых корья рабом живет? Сбежать можно, жизни себя лишить... В полоне негоже жить!

Шык только покачал головой в ответ на пылкие слова своего юного спутника:

– По своей воле никто рабом стать не захочет, однако есть народы, что жизнь пуще чести любят. Им главное – жить, землю топтать, воздухом дышать, а раб или не раб, не так уж важно...

– Не-ет, если волей твоей поганые корья владеют, такая жизнь никому не нужна! – упрямо сказал Луня, сверкнув глазами: – Это виданно – в полоне жить! На что уж гремы – злыдни, но даже они себе горло режут, чтобы в полон не попасть, а уж остальным-то...

– Я же говорил тебе про яды! – прервал Луню вохв: – Тех же громов у корьи в рабах не мало, и роды есть, и чуди, и много всяких народов, что по Великому Ходу странствуют, по торговым делам или своим разным надобностям. Да что корья – на востоке во всякой стране рабы есть, и у аров, и в стране Ом, и в стране Ор-х-гван, у джавов... Мир велик и хитро устроен, Луня, не нам его переиначивать, на все воля Рода, Яра, Влеса и других богов есть...

Луня в ответ промолчал, сердито сопя, но от своего в душе не отступил – если уж его в полон брать будут, вот он, цогский кинжал, не подведет, мигом ярмовую вену на шее рассечь можно, а там уж яды – не яды, поздно будет, душа улетит, и Род даст, куда нужно попадет. Нет для человека

худшего позора, чем полон, и в этом Луня был согласен с ненавистными гремами.

Поворот появился неожиданно, уже под вечер. Вдали сплошной стеной щетинились леса, словно там залегло стадо кабанов, выставив покатые спины, за ними голубел приблизившийся Ледяной хребет, а дорога начала забирать к востоку, чтобы потом, возле неприметной горушки, вдруг резко свернуть вправо, строго на восход, и скрыться в перелесках.

– Луня, лук достань! – скомандовал Шык, разом посуровевший.

Волхв поудобнее перехватил свой костяной посох, укоротил ремень заводного коня, то же велел сделать и Луне, и негромко крикнул арпакам по-арски:

– Акк-ар-ра! Вперед!

Кони прынули, точно зайцы от коршуна. Стремительно понеслась навстречу пыльная лента Хода, копыта дробно стучали в сухую земли, и Лунино сердце часто забилося им в такт – там, впереди, могла подстергать опасность, там могли таиться в засаде, в укывище, поганые корья, что неволят людей, делая из них рабов, и нужно было не сплеховать!

Луня поджал пятки к самому седалищу, чтобы устойчивей сидеть, если вдруг придется стрелять, отпустил повод, понукая коня лишь коленями. Лук в левой руке, стрела на тетиве, еще десяток торчит под рукой, из малого сада, что приторочен справа от седла. Прорвемся!

Поворот приближался. Издали он выглядел тихо-мирно,

ну повернула дорога ни с того, ни с сего, ну торчит чуть в стороне каменный клык, в рост конного высотой, ну чернеет, по вечернему времени, лес в полсотни шагов...

Били в пыль копыта, ближе, ближе, вот уже Шык, скакавший первым, начал заворачивать своего коня вправо, вот уже и Поворот позади...

Луня все же проглядел, откуда появились первые враги. Просто вдруг впереди, словно из-под земли, выросло с десятков рослых мужчин, с пиками и трезубыми острогами, все в плетеных боевых личинах, хорошо защищающих голову от меча, секиры и дубины, и, что самое опасное, с ловчей сетью.

– Стреляй, Луня! – крикнул волхв, поднимая Костяную Иглу и готовясь к прорыву.

Луня вскинул лук, и навскидку, с двадцати шагов, что отделяли его от поимщиков, выпустил первую стрелу. И не попал!

Корья тем временем перегородили дорогу длинной и широкой сетью, намереваясь сразу захомутать и коней, и людей. Шык, опережавший Луню, прокричал что-то, полыхнуло зеленым, ослепительно ярким, словно молния упала в землю, засверкал в сгущающихся сумерках белый костяной посох, и сеть, только что туго натянутая, не оставляющая ни единой надежды на спасение, вдруг разом вспыхнула, озарив на миг все вокруг, и рассыпалась пеплом.

Луне выпустил тем временем четыре стрелы, и две из них

нашли свою цель – один из корья упал на спину и скреб теперь ногами землю – боевая личина защищает от меча, но стрела проходит ее насквозь, как спица сквозь клубок шерсти. Второму Луня попал в бедро, и вой, громко крича, чтобы отогнать боль, сидел на обочине и вырезал бронзовый наконечник ножом.

Сеть сгорела, но упорные корья и не думали отступать. Они мгновенно перегородили Ход, выставив пики, а скакавший впереди Шык, как нарочно, закрыл их своими двумя конями от стрел Луни.

Шык остановился в пяти шагах от сверкающих медных жал пик, и что-то негромко бросил поимщикам на неизвестном Луне языке. Кто-то из корья ответил, и может быть, волхву и удалось бы договориться с корья, но подскакавший Луня все испортил.

Как только арпаки Шыка перестали закрывать от него врагов, Луня вскинул лук и в пять стрел уложил троих. Будь у корья щиты, все обернулось бы иначе, а так, прежде чем они сообразили, что стоят, как куколки на войском поле, трое из них отправились к праотцам, частокол пик распался, и Луня бросил своего коня вперед, выхватывая меч.

Мечом удалось рубануть лишь раз, снеся наконечник у одной из пик, кони уже выносили родов из засады, но тут самый отчаянный корья изо всех сил метнул свою длинную пику вслед прорвавшимся всадникам.

Пика попала в спину заводного Луниного коня, вошла в

тело лошади на весь длинный, трехгранный наконечник, арпак жалобно заржал, заплакал дурным голосом, сбивая ход, и Шык, мчавшийся сбоку, проорал Луне:

– Повод, повод руби! Скорей!

Луня откинулся назад, одним взмахом цогского кинжала рассек сыромятную кожу ремня, и раненый конь сразу отстал, начал пропадать во мраке, пока вовсе не исчез из виду вместе с орудиями что-то воями-корья.

Потеряв одного коня и весь съестной припас вместе с ним, они все же прорвались!..

* * *

– Никогда прежде корья не выходили на Ход! – удивленно вертел головой Шык, сидя напротив Луни у небольшого бездымного костерка.

Они скакали до полуночи, далеко уйдя от Злого Поворота, как нарек место засады корья Луня, и теперь остановились на ночлег, отъехав на всякий случай в сторонку от Хода и укрывшись в глубокой ложбине.

Сварили в котелке подстреленную Луней куропатку, половину съели, половину оставили на завтра, и теперь, отдыхая после тяжелого дня, говорили. Вернее, говорил в основном волхв, а Луня слушал, иногда спрашивая...

– Ары наложили на весь Ход в двух лунах пути от своих владений по обе стороны чары, и чары те не дают злому чело-

веку, нелюдю и нежити выходить на Ход. Но, видать, опали, развеялись арские чары, или ослабли сильно... – не спеша объяснял волхв, попутно вырезая мз соснового корешка для Луни амулет Зевы – теперь, когда припас пропал вместе с раненым арпаком, странники могли надеяться только на охоту, и стало быть, не лишне было озаботиться покровительством звериной богини.

– А как же тогда корья до этого на путников нападали? – подбросив сухих веток в костерок, спросил Луня.

– Метали из кустов отравленные остроги, сеть набрасывали и уволокивали в сторону! Счастье наше, хвала Роду, что луки у корья не в чести, не любят они стреловой бой, не знаю уж, почему. А не то не сдобровать бы нам, Луня, посекали бы нас из луков, и все! – волхв выбрал из кучки куропачих косточек одну, короткую и узкую, вставил в готовый амулет, вроде как стрелой пробил его насквозь, и начал прилаживать кожаный шнур, чтобы можно было носить корешок на шее.

– Дяденька, а как же так – все говорят, что по Ходу всегда люди движутся, туда-сюда, обозно, конно, пеше, а мы сколько дней скачем, а никого еще не видали? – поинтересовался Луня.

– Так ты и сам мог бы догодаться! – благодушно улыбнулся Шык в сивые усы: – Сейчас пора страдная, не до торговых походов. Вот погоди, через полторы луны, когда урожай в странах Хода соберут, обмолотят, когда меду набортят, грибов насолят да ягод намочат, вот тогда и потянуться по Ходу

обозы – из городища в городище, из страны в страну, людные и многочисленные, со стражей крепкой. Тут уж корья не до разбоя станет, уберуться поганцы в свои свайные хибары и до весны сидеть там будут, рыбой пробавляясь! Ну все, готов амулет, держи, охотник, да слово не забудь сказать, как учил, а то силы в нем не будет!

Луня принял из рук волхва пронзенный косточкой корешок на крепком ремешке, достал тряпицу, загодя измазанную в куропачей крови, потер амулет, приговаривая:

– Зева-самица, красна-девица, не гневись, не журись, от меня не воротись! Дай охоту легкую, птицу крупную, грудку жирную, мяско сладкое, мне на силу, тебе на радость!

– Ну и ладно! – кивнул волхв, когда Луня одел амулет на шею: – Давай спать, что ли... Дай-ка вон то бревнышко!

Луня подтащил к костру полствола молодой березы. Коптит береза, дух тяжелый дает, хотя и горит жарко, ну да в этих краях не до выбора, кроме березин ничего, годящегося в костер, тут не растет.

Шык топориком сделал на стволе глубокую зарубку в двух локтях от конца бревнышка, кивнул Луне:

– Как огонь до сих пор бревно сожрет, буди меня! – сунул березину в костер и завалился спать.

Луня отсел в сторонку от костра, что б, случись что, не маячить на виду у возможных недругов, положил на колени лук, приготовил стрелу и весь превратился в слух – в темноте слух главнее глаза, иной раз только по звуку и поймешь, что

где происходит...

Но не только вслушивался Луня в сторожкую тишину ночного перелеска – в голове у парня бродили мысли, одна другой тревожнее.

«Уж больно много всякой напасти на нас свалилось! Не случайно это! И чего Шык молчит, ничего не говорит? Ведь и ежу, и мамке его яснее ясного – ар мертвый, Гамаюн, арысь, нав, корья – и все против нас, не случай же, нарочно все это! Вона, и арские чары на Ходу ослабели, и вообще... А все это не иначе из-за того лиха, что арский волхв, Вед этот, учуял. Не хочет кто-то, чтобы мы до Загорья добрались, очень не хочет, и вот знать бы, кто, тогда бы легче было...»

Луня спохватился, серой тенью метнулся к костру, передвинул прогоревшее на локоть почти бревнышко в глубь багряных, жарких углей, и снова отсел в тень лещиных кустов, а мысли побежали уже в другом направлении:

«Вот через луну почти и осень придет... Грозник к концу подходит, а там заревый серпень мигом пролетит, и ревун наступит... Осенью хорошо – страда кончается, наступают время свадеб, народ гуляет, харча разного валом... А как в грудне морозец придавит, скотину резать начнут в городищах, так и вовсе гульбище начинается! Эх, не иначе, пропустит Луня в этот год все осенние гулянки, тут только к реву ну дай Род до аров добраться, а уж когда назад они с волхвом соберутся, про то опять же лишь Род один и ведает...»

Луня вновь подвинул уже порядком прогоревший березо-

вый ствол в пекло костра, осторожно достал из ножен Красный меч, и принялся оглаживать ладонью темный клинок, приучая оружие к себе.

В положенный час, когда огонь дошел до метки, Луня разбудил волхва и завалился спать. Спал он спокойно, и проснулся уже когда солнце полностью вышло из земли и весело сияло над горизонтом.

Ночью выпала роса, мигом обернувшаяся под горячими лучами сизой дымкой, в которой утонули дальние деревья. Волхв подогрел похлебку, странники поутрянили и отправились в путь.

* * *

Вышли на Ход и погнали арпаков размашистой рысь. Заводной конь остался один, но путники решили больше не искушать судьбу, и поделили поклажу на три равные части, навьючив ее на коней поровну – не хватало еще так же по дурному, как потеряли съестной припас, потерять и остальные вещи.

Конями менялись поочередно, чтобы арпаки не сильно уставали. Ход шел на восход, слегка забирая к полуночи. К концу дня Ледяной хребет слева приблизился, и зоркий Луня уже мог разглядеть белые снега на вершинах.

В полдень остановились, доели остатки хлеба, Луня пошарил по окрестностям, и хотя амулет Зевы должен был

помогать в птичей охоте, подстрелил рыжего сурка – путники снова были с мясом.

– Завтра к больше реке выйдем! – сказал Шык, когда они снова двинулись в путь: – Срубим плот, кони вплавь пойдут, река спокойная.

– А как она называется? – спросил Луня, на ходу распиная шкурку сурка на крестовине из веток и прилаживая ее у седла.

– По-нашенски – никак! – ответил волхв: – Течет она с Ледяного хребта, на юг, и теряется в неизвестных землях за Черным Лесом. Корья ее тут по своему кличут, Аась-га, а дальше, там, где люди не живут, имени у реки нет...

Ночевали снова в стороне от Хода, и вновь караулили поочередно – мало ли что. Ночь прошла спокойно, лишь под утро прилетел к стану ворона и начала орать дурным голосом, накликаая нежить, но проснувшийся от карка Луня угостил серую кликушу камнем, и она улетела прочь.

Реки достигли еще до полудня. Луня выволок из мешка тяжелый бронзовый топор, каким валят лес роды, споро срубил четыре не очень толстые березовые лесины. В четыре руки путники быстро обрубили ветки, ошкурили бело-серые кривоватые стволы, из полос ивовой коры скрутили хлысты, и стоя по колено в воде, связали плот. Конечно, долгого плаванья он бы не выдержал, расселся, но на один раз корьевых закруток точно хватит...

Накидали на бревна веток, сложили сверху мешки и ко-

томки, завели в воду коней. Шык долго что-то нашептывал им в мохнатые, чуткие уши по-арски, потом махнул Луне, с длинным шестом стоявшим посредине плота – поехали!

Луня оттолкнулся разлапистым концом шеста, где специально были оставлены сучья-упоры, от песчаного дна, и плот отчалил от берега.

Арпаки, которых сидящий сзади Шык тянул за узды, нехотя вошли в воду, заволновались, теряя дно под копытами, заворочали налитыми страхом глазами, но потом ничего, успокоились и поплыли, чудно вытягивая шеи.

Безымянка, как назвал про себя реку Луня, была в этом месте куда как широка – шагов в пятьсот, из его лука и до середины не дострелить, пожалуй, с Великой Ва, главной рекой родов, что с заката огибает их земли, потягаться могла бы. Ладно, хоть не глубоко, шест до дна достает, а то грести пришлось бы, течение ловить, и к другому берегу приставать много ниже...

Пока Луня думал, сноровисто толкаясь шестиной, Шык напевал арскую песню, успокаивая коней. Так и переправились, без происшествий, только у самого берега, илистого и топкого, Луня оступился и здорово извозился в жирной прибрежной грязи.

Разгрузили плот, раскатали его на бревна и перетаскали лесины в кусты ивняка – пригодятся на обратном пути. Навьючили арпаков, помочились в реку, как велит обычай – чтобы здешний водовик запомнил путников и потом пропу-

стиль их без препятственно, вскочили в седла и продолжили путь.

Ночевали на берегу ручья, что нес свои воды к реке, спали спокойно – Шык заговорил русалих девок и заставил их стеречь сон путников.

После сытного жаркого из убитого накануне сурка Луня быстро сомлел – полубессонные ночи давали о себе знать, но утром проснулся на диво отдохнувшим и бодрым.

Отправились дальше.

– Через два дня к Черному лесу подъедем! Слушай и запоминай: – учил Луню по дороге волхв: – Тянется Черный лес почти на целую луну пути, до самого, почитай, Серединого хребта. Ход идет по полночной границе леса, так что по правую руку всегда будем этот проклятый лес иметь! Запомни перво-наперво – не заходи в него никогда, ни за какой надобностью! Лес сам по себе сила злая, заморочит, закружит, а там и его обитатели жуткие подспеют!

Живет в Черном лесе нежить особая, такой больше нигде нету! Пауны меж ветвей летают, видом на черную паутину похожи. Облепит паун лицо, вдохнет человек его отравы – и не выдохнет уже никогда. Бойся паунов, ибо никакой защиты от них нет, ни заговор, ни оберег, ни оружие не помогут – сгинешь!

Под корнями деревьев прячутся синюхи. Эти на клубок синих змей похожи, только на концах змейских тел не пасти, а пальцы. Коли синюха за порты ухватила – все, конец, утя-

нет в подкорневую нору, оплетет щупальцами и сожрет! От синюхи только добрым мечом отбиться можно, да и то не всякий муж такое совершить сможет.

Теперь – зыпь. Зыпи на наших ляг похожи, только ростом каждая с доброго кабана будет. Мерзкие они, бородавчатые, отравной слизью покрыты, и в пастях у них острые зубы. Прыгают зыпи на полтора десятика шагов, руку или ногу человеку отхватить для них – что тебе мякушку житную откусить. От зыпей сон-трава помогает, махать ею округ себя надо, и заговор сонный есть, запоминай: «Сон-трава, мурава, соком пролейся, духом развейся, всех кругом усыпи, в землю спать уложи, пусть сон не вечером начнется, не утром кончится, и спать зыпи проклятой-триклятой не до весны, не до осени, а до скончания времен!». Повторить заговор надо трижды, а то не подействует, и уходить тихо-тихо, чуть шумнешь – зыпь проснется и на тебя накинется.

Живут еще в Черном лесу ползюки. Эти на червей дождевых похожи, только белые, и длиной с пару оглобель каждый. По ночам скользят ползюки меж травы, кустов и древесных корней, оплетаю ноги человеческие, присасываются к коже и кровь пьют, пока всю, до капли, не выпьют. Ползюков обережный круг останавливает, еще огня они боятся, и к горящему костру близко не подползают.

И живут, кроме того, в Черном лесу люди, и нежить лесная их не трогает, потому что люди эти Черному богу служат. Зовут племя их поганое – беры, и многого о них я тебе не

скажу, знаю только, что стоит в самой глубине леса капище Чернобога, горят там колдовские огни, а жертвенные камни кругом все в крови людской, звериной и конской, ибо беры своему властелину дань кровью приносят.

Есть у беров и луки и копыя, про брони неведомо мне, потому что всегда носят беры черные плащи до земли, лица и тела скрывающие, и лишь глаза их через дырки видны, и горят те глаза в ночи ярче волчьих...

Нежить Черного леса из-под его сени не выходит, ибо силу свою тут же теряет, а с берами все не так: по ночам, а то и днем небольшими отрядами выступают они из леса, нападают на людей, а пуще того – на коней, которых ненавидят лютой ненавистью, и в бою пользуются чарами, чтобы человека запутать, закрутить, околдовать, и увести в лес, Чернобогу на закляние...

Луня слушал волхва, а у самого мороз так и драл кожу – экие страсти, да еще целую луну пути терпеть! Хорошо хоть, знает Шык повадки всей этой погани, авось отобьемся...

Утром следующего дня, когда путники уже собирались в дорогу, глазатый Луня увидал на лесистой равнине человека.

Человек, старик с клюкой, горбатый, косолапый, шагал по едва заметной тропке, которую вчера вечером ни Шык, ни Луня не заметили, причем вела тропка в аккурат к их стану.

– Что делать будем, дяденька? – спросил Луня у волхва, тревожно озираясь – после нава, после засады корья, а особенно – после рассказов о Черном лесе, Луня готов был, как

пуганная ворона, шарахаться от каждого куста.

Шык внимательно всматривался в приближающегося старца, словно приценивался, потом кивнул Луне:

– Погодим маленько! Может, что путное скажет старичок. Только по одеже его никак не пойму я, какого он роду-племени...

Дедок, бородатый и с нечесанными патлами волос на голове, тем временем приближался. Одет он был и вправду странно – на голом теле – овчинный тулуп мехом наружу, порты, дыра на дыре, по бокам мохнатятся нитками, посох в руках – коряга лесная, на ногах – грязные лапти, да еще и перепутанные, правый – на левой ноге, а левый – на правой. При всем этом старик без шапки, а из котомки за спиной выглядывает мордочка живого длинноухого зайца.

– Здрав буде, добрый человек! – зычно крикнул Шык, беря за повод своего арпака. Конь вдруг заволновался, всхрапнул, переступая копытами и косясь выпученным глазом на гостя. Луния насторожился – кони всегда нечисть да нелюдь чувуют!

Старик ничего не ответил на приветствие волхва, он просто шагал и шагал себе по тропинке, но Луния вдруг оторопел: углядел он чудного дедка у дальней рощи, что окутана утренней росной дымкой, а старичок за считанные миги уже возле них шагает! И идет не ходко, косолапит, корявится на ходу, того гляди, упадет, а добрых пять сотен шагов отмахал! Вот так дед!

Луня обеспокоено глянул на волхва – не уж-то он не заметил? но Шык стоял спокойно, чуть улыбаясь, словно и не произошло ничего. А может, вправду лихой дед отвел ему глаза?

Луня не успел ничего сказать, как старичок уже шагнул к ним, шагнул и остановился, глядя куда-то мимо. «Зраки какие чудные...», – подумал Луня, заметив под седыми кустистыми бровями старика зеленые искорки, как у молодой шалавной девки. Подумал, – и обездвигел, ровно уснул, стоя, с открытыми глазами. Звуки летнего утра потонули в каком-то звенящем шуме, словно вода где-то через перекат перетекала, перед глазами все подернулось сизой дымкой, и мысли в голове ворочались, как бревна в реке во время сплава, неуклюжие и скользкие: «День же, Яр высоко уже, в дорогу пора... Чегой-то я стою-то... Шыка не видать... Дед, зараза, зачаровал, не иначе... Муха летит вон, медленно-то как, даже видно, как крыльями машет...»

– Оу-оу-оу-оу! – донеслись до слуха Луни протяжные, бабовитые звуки. Равнодушно, словно со стороны, смотрел он, как дедок отбросил свой корявый посошок, растопырил руки и начал расти, раздаваться в ширь и в высь, как менялась его личина – разползались в стороны глаза, жуткой, клыкастой щелью обернулся рот, из пальцев полезли зеленовытые, загнутые, как у медведя, когти, а над единственным ухом вырос из спутанных, зеленоватых же волос кривой рог.

«Лешья...», – запоздало понял Луня: «Как куры в ошип,

попали... Съест теперь, и костей не оставит... А что это он в поле-то... И Полевого Деда не испугался...»

– ...Луня!!! – в самое ухо влетел оглушающий вопль волхва. Луня дернулся – и маревая дрема спала с глаз! Исчезла пелена, вернулись звуки, и мысли полетели, как положено, быстрее ветра.

– Обходи его! – Шык, выставив посох, медленно отступал от приближающегося чудища. Лешья, подняв когтистые лапы, шел на волхва, и широкий, на зеленоватый блин похожий язык плотоядно облизывал торчащие из пасти клыки.

Луня выхватил меч, длинным шагом, как учил воевода Скол, ушел из-под взмахнувшей лапины лешьи, прыгнул и оказался за спиной страхолудины. Вскинув меч, Луня со всей дури рубанул по шишковатой широкой спине. Рубанул – и чуть не выронил клинок, зазвеневший жалобно и печально. Деревянная спина у лешьи, да и сам он весь таков, как это Луня забыл! Меч об лешью тупить до закат можно, ему хоть бы хны! Тут иначе надо...

Волхв тем временем, отступая, дошел до затушенного утреннего костра, быстро нагнулся, подхватил горсть остывших углей, быстро пробормотал что-то, и бросил вдруг запылавшие угольки прямо в жуткую, ухмыляющуюся рожу лешьи.

– Оу-оу-оу!!! – завопил тот, тщетно пытаясь сбросить с волос пламя. А тут еще Луня сзади добавил – сунул меж ног лешьи здоровенную сучковатую ветку, оставшуюся от заго-

товленных вчера для костра дров, навалился плечом и завалил лесную орясину!

– На коня, и ходу! – крикнул волхв, одним движением взлетая в седло. Луня, не мешкая, бросился к своему арпаку, и миг спустя путники уже мчались прочь, а за спиной у них утренний ветер раздувал пламя на голове лешьи, и летело над полями и перелесками дикое:

– Оу-оу-оу!!!

Глава пятая

Черный лес

– Ну уж того, чтобы лешья из леса вышел и на людей в чистом поле нападать начал, такого я никогда не слыхал! – качал головой волхв, переживая утреннюю схватку с нелюдью: – Даже меня провел, поганец! И как ловко – дремоты столбнячей подпустил, глаза отвел, р-раз – и схарчил бы нас, за милу душу бы схарчил! Что же все таки из леса его выгнало? Что же за дела такие на белом свете делаются? Знал бы дома, что все так обернется, не торопился бы так с отъездом...

Луня ехал молча, слушал волхва, и на душе у него становилось все гаже и гаже: «Ох, видать, так и сгину я где-нибудь в неизвестных землях, и растащат мои косточки птицы летучие да твари рысучие! И зачем меня волхвом быть назначили, да в этот поход отправили, сидел бы дома, в городище, в свой черед воем стал бы, обженился, детушек растил да землю пахал...»

– Луня, эй, Луныка, заснул что ли? – волхв подъехал и потряс задумавшегося парня за плечо: – Вечером, когда остановимся, волховать стану, предков спрашивать, может, подскажут чего, а с завтрава по другому пойдем – спать днем будем, по очереди, а скакать ночью, а то, чую, не минуть нам Черный лес иначе...

На ночлег остановились, против обычного, не в ложине или овраге, а на лысом пригорке шагах в ста от Хода, чтобы дозор держать сподручнее было. Поели, что осталось от вчерашнего, после чего волхв разложил на безтравной вершинке четыре костра, по четырем сторонам света, воткнул в центре Костяную Иглу, веле Луне стоять в сторонке, молчком, глядеть окрест зорко, а сам повел древнюю, как сама земля, Песню Предков.

Поминались в той Песне и Мать-Сыра-Земля Мокошь, и Отец всех родов Великий Род, и предок предков, медведь Влес, и могучий хозяин лесов Бор, и красный Яр, и все Чуры, хранители-обережцы, и многие другие иные светлые боги. У всех просил волхв совета, всех вопрошал – что же на земле творится, к чему это?

Звенели, стучали, терлись друг о друга амулеты, вразлет поднялись седоватые волосы, волхв поднял руки, заканчивая Песню – и замер...

Долго стоял он, недвижим, с закрытыми глазами, освещенный трепещущим светом четырех костров. Луне уже начало казаться, что недоброе что-то приключилось с его учителем, но вот волхв опустил руки, вздохнул, и не раскрывая глаз, опустился на землю. Опустился – и уснул.

Теперь будет спать до утра, а Лунино дело – вокруг стражей ходить. Никто не должен потревожить сон волхва, иначе чародейство не удастся, впустую пройдет...

Шык проснулся на рассвете, когда прогоревшие костры

уже и дымится перестали. Луня, намаявшись за ночь, сидел поодаль, с луком на коленях.

– Устал? – улыбнувшись, спросил волхв, и не дожидаясь ответа, встал, потянулся всем своим далеко не старым, не смотря на года, телом, шагнул с пригорка к поклаже:

– Давай-ка поедим чего есть, оголодал я, с предками да богами разговаривая.

За едой Шык рассказал Луне, что же поведали ему предки и боги:

Велика Смута затевалась в мире. Нежить, нелюдь, все вредные человеку силы словно взбесились. А взбесил их и на людей яро кидаться заставляет Страх, Великий Страх, что наплывает на землю со всех сторон, идет изнутри ее, и Страх этот в том, что скоро конец всему придет, погибнут все звери, и птицы, и люди, но потом, много лет спустя, все вновь возродится, все – кроме нелюди да нежити. От того-то и бьются нечистые, от того-то и ярятся...

– Так это, дяденька, и мы что ли погибнем? – опасливо спросил Луня, тревожно озираясь, словно вот уже сейчас гибель наступит.

– И мы, Луня... – мрачно подтвердил волхв: – Мыслю я, затем нас Великий Вед к себе и зовет – хочет он Лихо это отвести, но вразуми меня Влес, если я сейчас знаю, что есть суть близящейся беды, и как нам от нее спастись...

Отдыхали весь день. Луня спал, измученный бессонной ночью и тревожными речами волхва, а Шык просто отдыхал, глядя в голубое летнее небо с белыми курчавыми шапками облаков. Общение с предками и богами много сил отнимает, тут уж не до скачки на конях, отлежаться надо, отдохнуть...

К закату собрались в путь. К излету лета ночи стоят темные, но арпаки с дороги не собьются, Ход им знаком, они его чувят, не нюхом даже, а душой своей конской, и поэтому ходко идут в кромешном мраке, уверенно попирая копытами дорожную пыль.

Ночью, вернее, ближе к утру, подошли к краю Черного леса. Луня сразу понял, что именно Черный, а никакой другой, лес встал стеной по правую руку от Хода – даже в темноте густел он налитым мраком, словно черной стеной отделяя сам себя от остального мира.

Светало, яснили деревья, земля и небо вокруг, и лишь Черный лес оставался таким же темным, что и в глухую ночь.

– Он и днем такой? – спросил Луня волхва, невольно понижая голос до шепота. Шык усмехнулся:

– А ты думаешь, почему его Черным нарекли? Погоди, Яр взойдет, сам увидишь – и деревья, и трава, и даже цветы, все в этом треклятом лесу чернее ночи! Но ты особо в ту сторону не гляди – не ровен час, поймает твой взгляд какая-нибудь

тварь, потом беды не оберешься, Чур нас от этого! Смотри лучше налево, вишь, вон вершины Ледяного хребта солнце уже окрасило – лепо! Вед мне сказывал, что ары хотели Ход ближе к горам провести, от Черного леса подальше, да там своя напасть оказалась – туман чародейский. Наплывает тот туман с гор, людей и животных разума лишает, одни влоты, что с заката сюда забредают, чары туманные терпят, да и правду сказать, у влотов разума с овечий говяш, им и терять особо нечего!

За разговорами солнце взошло, Луне сразу стало веселее. В сторону Черного леса он старался больно-то не смотреть, как волхв советовал, но все же не удержался, глянул – и подивился тому, как чудно выглядело все в колдовском лесу.

Действительно, и травы, и деревья, корявая родня родских елок да лиственниц, и кусты, и даже крупные, красивые цветы, что росли под деревьями – все было непроглядно черным, словно кто-то специально красил лес, коптил его, заливал смолой и дегтем.

Дневали снова на горке, на лесистом холме к полуночи от Хода. Спали в очередь, правда, Шык дал Луне волю, но зато потом отправил на охоту.

Луня бродил-бродил по распадкам, спугнул зайца, потерял три стрелы и упустил косога. Злой и усталый, возвратился он к костру, виновато развел руками, мол, обиделась на что-то Зева, не помогла.

Шык покачал головой, пошарил в котомке, выкатил на

смуглую ладонь катышки мурцы. Вскипятили воду, заварили листья дикой малины, кинули мурцу – получилось остро воняющее медвежатиной хлебово, жирное и духовитое. От мурцы по жилам побежал огонь, в желудке образовалась приятная сытость, но надолго мурцы не хватит, она и запасается на самый черный день, когда никакой другой еды нет, и человек с голоду пропадает.

– Если завтра мяса не добудем, придется поститься! – объявил Шык, когда они уже собрались в дорогу. Луния только криво усмехнулся – «добудем»! Ему, Луние, добывать придется!

Снова всю ночь скакали. Небо затянуло облаками, временами шел дождь. Ни зги не было видно в ночном мраке, лишь Черный лес выделялся слева еще более черной полосой темени, как будто жирным углем провели по черной коже. Черное на черном, мрак во мраке...

У Лунии стыла кровь в жилах, от голода дрожали руки, все тело покрывал холодный пот. Волхв говорил, что это дает о себе знать лесное чародейство, которое стало ощущаться тут после того, как спали арские чары Хода, призывал крепится и надеется на богов и предков, но Луния все больше и больше слабел, и телом и духом.

Так прошло два дня, вернее, две ночи. На третий день Зева смилостивилась, и Луние удалось подстрелить косулю. К сурковой шкурке, добытой, казалось, давным-давно, чуть ли не в другой жизни, добавилась пятнистая косуля, путни-

ки попиروвали всласть, присолили мясо и теперь были с каким-никаким припасом.

Голод отступил, но жутковатая одурь чернолесных чар не отпускала Луню. Порой ему начинало казаться, что все это – сон, страшный морок, насланный злой Видью, богиней дурных снов, и надо только собраться с силами и проснуться. Но проснуться не получалось, и от того становилось еще страшнее...

На пятый день пути, когда от косули осталась уже половина, дорогу странникам преградила еще одна текущая с севера, с Ледяного хребта, река.

Неширокий, шумящий поток решили брать с ходу, погна-ли арпаков в холодные волны – и едва не потонули, норов у реки был злой, дно покрывали крупные валуны, и лишь выносливость и сила коней спасли Луню и Шык от смерти.

– Не должно было быть тут реки! – удивлялся после переправы волхв: – Ручеек тут бежал, шагов в десять шириной всего, и глубиной – по колено! Что за чудеса, сожги их Яр! Не иначе, чары дурные кто-то на тот ручей наложил, обернув его рекой!

Прошла первая седмица пути вдоль Черного леса, потянулась вторая. Луня постепенно привык к холоду в сердце, привык к страху и морочной одуре. На днёвках путники стали примечать приближение осени – то там, то сям трепетали на осинках первые покрасневшие листья, жухла трава, поперли из-под мха грибы. Теперь нехватка пищи перестала

пугать Луню – за грибами ягоды пойдут, брусника, голубика, дикие яблоки созреют, а там и птица в перелет тронется, утки, гуси, голодать не придется!

Конечно, в родских лесах сейчас и грибов никаких нет, так, маслята сопливые если только, да и ягодам осенним рано, и лист не желтеет, но тут, много севернее, осень уже дохнула на леса, по ночам плыли сизые туманы, и прежде чем по утру ложиться спать, приходилось настилать постель из лапника – за ночь земля остывала и холодила бока.

* * *

Вторая седмица ночного пути подошла к концу, однако ни беры, ни нежить Черного леса себя никак не обнаружила, и Луня даже успокоился – видать, пронесло, обошла беда стороной, не достанутся их косточки зверям да птицам.

На третий день третьей седмицы дневать остановились поздно – Яр уже высоко стоял над землей, но уж больно походка мчались арпаки, уж больна ровна и пряма была дорога! Скачи да скачи!

Все же усталось взяла свое, и Шык скомандовал останавливаться и делать стан. Место дневки выбрали, как обычно, на холме, так, чтобы не видеть за деревьями чернолесья. От первой косули остались к тому времени шкура да память, но Луня не зря щедро полил теплой кровью Зевин амулет – теперь каждый день его стрелы находили каку-нибудь добычу

– то зайца, то тетерку, а раз даже умудрился Луня подстрелить в небольшом проточном озерке здоровенную щуку, что грелась в прибрежной траве на последнем солнышке.

Поели и Шык прилег, оставив Луню караулить. Посвистывали лесные птички, шелестели первые опавшие листья. Леса уже сильно изменили свой цвет, все больше желтея, бурея, краснее. Скоро повалит с деревьев лист, оголятся ветки и шумно станет в лесу – придет время звериных свадеб.

Луня присел на ствол поваленной березы, положил рядом лук и принялся чинить прохудившиеся, плетеные из полос кожи поршни, какие всегда одевали вместо лыковых лаптей роды, отправляясь в дальнюю дорогу. Время от времени Луня оглядывался по сторонам – мало ли что!

Оглядывался, оглядывался – и проглядел! А когда заметил, едва не поздно уже стало! Только и смог, что ужом метнутся за поваленный ствол, на котором сидел, и швырнуть недочиненный поршень в спящего неподалеку волхва.

А со стороны Хода, и стало быть, со стороны Черного леса, шли вдоль холмов люди. Люди, да не простые, такие, как и описывал их волхв – в черных плащах, лиц не видно, с длинными копьями в руках. Беры, числом шесть.

Луня, выставив из-за березового комля голову, зашептал губами:

– Руй неистовый, Уд могучий, отец-Род, предок-Влес, помогите, не киньте своих на чужбине!

Шык от прилетевшего на грудь поршня проснулся сразу,

вскочил, заметил врагов, пригнулся, но поздно – беры тоже заметили человеческую фигуру на вершине холма, повернули и быстро – и откуда только прыть такая? двинулись к стану родов.

Луня вскинул лук, свистнула стрела, но бер, выцеленный парнем, ловко увернулся, продолжая приближаться. Луня пустил вторую стрелу, потом третью – и все зря, шустры были беры, видать, не в первой им под стрелами стоять, чтоб дивы их мать изволокали!

Шык тем временем возился, что-то доставая из своей котомки. Вот он вскочил, засвистел, заулюлюкал, прокричал злословие и метнул в поднимающихся по пологому склону холма беров горсть камней, обычной речной гальки.

Но вот диво – камешки, подпрыгивая на кочках, вдруг стали расти, увеличиваться и вот уже не голыши – здоровенные валуны катятся на врага!

Беры заметались, стараясь увернуться, но слишком поздно – катящиеся камни подмяли под свои круглые бока одного, второго...

Луня вскочил, потрясая луком – наша взяла! Но нет, не так-то все просто – лишь две фигуры в черных плащах остались лежать на жухлом склоне после колдовского камнепада, остальные увернулись, разорви их Влес, и вновь полезли вперед. Тут, пожалуй, уже и стрелять поздно, пора за меч браться!

Луня выхватил прадедов клинок, цогский кинжал, и с

кличем родов бросился на врага – пока те еще не взобрались на вершину, пока еще их можно рубить сверху.

– Ро-од!!! – грозно грянуло окрест. Видать, никогда еще не звучал этот клич у окраин Черного леса, иначе знали бы черные беры, что даже вчетвером рода с мечом следует опасаться – порубит!

Луня встретил врага на самом взлобке, лихо крутанул клинком, срубил наконечник у одного копейщика, отбил кинжалом выпад другого. Теперь давить надо, не давать супротивнику опомниться, рубить и рубить, вертя мечом и кинжалом, как лозовыми ветками – пусть от блеска клинков у находчиков в глазах зарябит, так, чтобы и не заметили они, откуда смертельные удары обрушатся...

Не вышло. Беры дружно ударили в копья, Луня чудом отскочил, уступая врагам несколько шагов – и все, теперь они на вершине, теперь он один против четверых на ровной земле, безо всякого превосходства. «Ну, держись, Луня, Мочагов сын, не осрами род свой, родичей, родовичей, родню и родителей!», – успел подумать Луня, выставив клинки и чуть приседая – для упора и устойчивости.

Беры молча бросились в атаку. Тот, кому Луня срубил наконечник, отбросил бесполезное древко и выхватил откуда-то из складок черного плаща узкий топорик с длинной ручкой. Таким против меча орудовать – милое дело, а в случае чего и метнуть можно легкое оружие – тоже удобно.

«Тяжел, ох и тяжел прадедовский меч!», – думал Луня,

еле-еле успевая отбивать выпады беров. А тут еще этот, с топориком, в рубку не полез, а встал в стороне и явно примеривался, как швырнуть свое оружие ловчее, чтобы полбашки Луне снести. Эх, пару дружинников Боровских бы сюда, или одного воеводу Скола – вот тогда узнали бы поганцы, кто такие роды!

Луня, чтобы топорометала не попал в него, ушел влево, прячась за наседавшими на него берами, как за живым щитом. Но топорщик тоже не пальцем деланный, перебежал, лихов сын, в сторонку! Ну все, моченьки уже нет мечом махать! Где же, во имя Рода, Шык?! Не уж-то убили Костяную Иглу?!

От этих мыслей Луне вдруг стало жарко. Ослепительное пламя полыхнуло перед глазами, ярость обуяла душу – пусть Шык убит, но тогда он, Луня, спутник и ученик волхва, должен отомстить за родича!

И Луня, зарывав, как бурый медведь-Влес, рванулся на врага, отбил нацеленные в грудь и горло костяные наконечники, кинжалом ударил в руку одного бера, вдвигаясь в их строй, резко прыгнул вперед, и со всей силы рубанул мечом по плечу другого:

– Н-н-на!!!

Бер заорал дурным голосом, шарахнулся в сторону – Луня почти отрубил ему руку вместе с плечом, но тут что-то полыхнуло, на этот раз не в голове, а надо всем холмом, и в тот же миг на Луню обрушился удар такой силы, что в глазах

потемнело, руки выронили оружие, ученик волхва упал на пожухлую траву и потерял сознание...

* * *

Очнулся он уже в сумерках. Голову раскалывала тягучая боль, в глазах плавали какие-то круги, во рту был отвратительный привкус блёва, тошнило, шумело в ушах, словно он в бурю оказался в сосновом бору.

– Очнулся, Лунька? – словно сквозь набитую в уши шерсть, донесся до Луни голос волхва.

– Вроде... – еле выговорил он, с трудом ворочая одеревеневшим языком: – Наша... взяла?

– Наша, наша! – улыбнулся Шык, подавая Луне мису с водой: – На-ка, попей, вой зело храбрый! Пей-пей. То вода заговоренная, в миг полегчает!

И впрямь – полегчало. Утих шум, прояснилось в глазах, перестали дрожать руки. Луния с трудом сел, потрогал огромную кровоточащую шишку на затылке:

– Чем это меня... звездануло?

Шык протянул Луне тот самый берский топорик:

– Вот этим! Хорошо, хоть обухом приложило, а то бы все, к Маре в гости отправился!

– А где... ну, черные эти?

– Двоих ты положил, а остальных я, молневым заклятием! Считай, повезло нам – с берами ратится тяжко, искусны, со-

баки, в войском деле! Ну да обошлось – и ладно! Давай-ка, подымайся, на-конь пора, тут оставаться нельзя!

Луня, пошатываясь, встал, и увидел, что тела мертвых беров рядом лежат в сторонке, собранные торбы навьючены на арпаков, а Шык уже сидит в седле. Да, пора в путь, подалее от злосчастливого холма...

* * *

Всю ночь Луня провел, как во сне. Жутко болела голова, действие наговоренной воды закончилось, и перед глазами вновь начали плавать цветные круги. Луню тошнило, каждый шаг арпака отдавался в голове вспышкой боли, и пару раз ему уже казалось, что сейчас он свалится под конские копыта и навеки затихнет в холодной дорожной пыли.

Наконец ночь подошла к концу. Шык в рассветных сумерках отыскал годную для дневки поляну и разбил стан. Луня только и смог, что сползти с коня и растянуться на влажной траве. Вскоре он уже спал, и не почувствовал, как волхв перенес его на ложе из лапника, не видел, как он развел костер, достал из котомки пучки лечебных трав, сходил за водой и принялся готовить исцеляющий взвар...

Шык разбудил раненого ученика в полдень. Тусклое, совсем уже осеннее солнышко к тому времени просушило землю, и приятно, не жарко грело укрытого теплым шерстяным плащом Луню. Волхв заставил его выпить полкотелка терп-

кого, горько-пряного взвара, пошептал над головой наговора, отгоняющие Лихих Раден, особенно Огню, Ледю, Корчу, Гледю и Глуху.

Вскоре Луня вновь провалился в тяжкую дремоту и спал до вечера. Волхв тем временем приготовил еду, окурил можжевеловым дымом всю местность вокруг стана, чтобы никакая дурная нежить не подобралась близко к раненому, провел не два, а три осторожных круга, поел, развесил на кустах вокруг полянки Чуров и улегся спать – в эту ночь путникам, особенно Луне, надо было отдохнуть...

Луня проснулся утром, на диво здоровый и бодрый. Взвар и наговоры волхва сделали свое дело – болезнь покинуло крепкое, молодое тело, шишак на затылке опал, перестала кровоточит рана в его середке, полностью исчезла одурь, утихла дрож в руках и ногах, и вообще, Луня чувствовал себя словно заново родившимся.

Ему безумно хотелось есть, и на цыпочках, чтобы не разбудить спящего волхва, Луня подкрался к котелку, висящему над затухшим костром, и прямо через край, не разогревая хлеба, наелся, пожевал мяса, и почувствовал себя совсем здоровым.

Тут Луня увидел странное ожерелье, лежащее на кусочке кожи возле волхва. Двенадцать узких, не длинных косточек, порядком закопченных и обожженных, связанные вместе кожаным шнуром. Ничего подобного раньше в вещах Шыка Луня не видел, и поэтому он осторожно подкрался к спяще-

му волхву и протянул руку, чтобы взять ожерелье.

Раз! – крепкая рука волхва перехватила Лунино запястье. Шык открыл глаза, сурово глянул на ученика, и неожиданно улыбнулся:

– Что, полегчало?

– Да, совсем хорошо, спасибо, дяденька! А что это?

– Это тебе, заслужил! Надень-ка...

Луня взял ожерелье, пахнущее гарью и паленым мясом, неуверенно повертел в руках, потом надел – и удивился: ожерелье словно давило на шею, грело и холодило одновременно.

– Дяденька, а все же, что это? – спросил Луня у вставшего волхва.

– Не понял еще... Это оберег, от беров. Они теперь тебя боятся станут больше, чем тех воев, что богов тырят!

«От беров...», – удивленно подумал Луня: «Двенадцать косточек... Шесть трупов, двенадцать рук!». И вдруг он понял – это пальцы, это фаланги отрубленных берских пальцев, по пальцу с каждой руки!

– Я это... Страшно мне, дяденька! – запротестовал Луня, пытаясь содрать жуткое ожерелье.

– Не бойсь! – ободряюще кивнул волхв, плеща себе в лицо водой из баклагы: – Ожерелье это верно тебе служить будет, а что человечьи кости на него пошли, так не пугайся – для пользы дела это! Родские вои ушей не режут, волос с голов у убитых не дерут, как многие другие народы, но ты-то не

вой, ты волхв, и сила твоя не в руках, а в голове! Хотя и руками могуч ты оказался, Луня, двоих береов свалил, они и Чернобога своего поганого помянуть не успели!

– Одного, дяденька! – покачал головой Луня: – Одного бера я порубил...

– А второму кинжалом в самое сердце ткнул, когда падал уже! – подтвердил волхв, разводя костер.

– Да не было этого! – удивленно замотал головой Луня: – Я точно помню – как шарахнуло меня, упал я, и лишь потом обеспамятел! Не колол я бера кинжалом!

– Погоди, но ведь кинжал-то твой, цогами сработанный, из груди мертвого бера торчал! Как так, растолкуй мне Влес! Ну-ка, покажи-ка мне его еще раз!

Луня послушно вытянул из ножен и протянул волхву цогский кинжал. Шык присел на корточки, положил клинок на колени, закрыл глаза и провел ладонью над лезвием и рукоятью – раз, другой, третий. Потом открыл глаза и вернул оружие Луни:

– Нет, обычный он! Никаких чар на нем нет, хвала Роду, а то я уж опасаться начал! Обычный цогский меч! Цоги, если луки опускают, только такими и бьются. Вождь рода Волка, Слат Руевич, два десятка зим назад в поход на цогов ходил, так он таких мечей целую телегу привез – какие в бою захвачены, какие в кузнях... Поделится добычей с другими родами, так к тебе он и попал!

Волхв еще раз кивнул на кинжал и занялся костром.

Луня отшел в сторону, присел, чтобы обмыслить все. Выходит, действительно двоих беров убил он, прежде чем пасть без памяти? Но Луня готов был руку дать на отсечение, что не делал он этого, не делал! Ай да кинжал, удружили неведомые цоги. И племя-то, с родских полатей если глядеть, поганое, кровь людскую пьют, ночью лучше кошки глядеть умеют, морды белой краской мажут, за то и зовут их – белые цоги... А вот с оружием не подвели, выручило!

Луня повертел кинжал в руках. Лезвие на лист ивы формой похоже, таким и рубить и колоть сподручно. Вдоль кромок, и с той, и с другой стороны тянуться мелкие засечи-засебины, вроде как на серпе – чтобы не тупился клинок и резал легче.

Еще проведены вдоль всего лезвия две канавки – лишний металл убирал неведомый кузнец, облегчал оружие. Рукоять простая, в насечках, на конце рукояти – кольцо. Луня знал, что сквозь него надо продеть ремешок и в бою одевать тот ремешок на руку. Тогда даже если выронишь кинжал, не потеряешь его – останется болтаться на запястье. Но Луне еще в самом начале пути показалось, что такой ремешок будет только мешать, путаться под руками и за все цепляться, и он не стал обустраивать чужой клинок.

Всю ночь скакали. Шык, наверстывая потерянное из-за Луниной раны время, гнал арпаков быстрее обычного, и коням приходилось туго. На дневках кони стали ложиться, чудно подгибая под себя ноги. Раньше с ними такого не случалось.

лось, и Луня уже начал думать, не заболели ли верные лошадки, но волхв успокоил его, объяснив, что кони так расслабляют натруженные за ночь ноги.

Глава шестая

Дом Корча

Теперь, прежде чем лечь спать, Луня каждый день подолгу упражнялся с Красным мечом, приучая руки к тяжести оружия, учился колоть, рубить и отбиваться.

Еще он укоротил топорище сохраненного волхвом берского топорика, оставив ухватистый черенок в локоть длиной, и начал учиться мудреной науки топорометания. В первые дни топорик летел вкривь и вкось, но постепенно Луня набил руку, и все чаще Шык мог слышать сквозь сон не треск и стук от пролетевшего мимо выбранного Луней в качестве мишени древесного ствола топора, а глухой, четкий звук воткнувшегося оружия.

Постепенно толщина мишеней уменьшалась, а расстояние, с которого Луня кидал топорик – увеличивалось. К концу четвертой седмицы пути вдоль Черного леса топорик поражал осинку в руку толщиной с тридцати шагов восемь раз из десяти! Луня в тайне сильно гордился таким умением – у родов метание топоров неизвестно почти, если они вернуться, будет чем похвалится перед родичами...

Никто не тревожил путников все эти дни. То ли жутковатое ожерелье на шее Луни действительно внушало страх, то ли потеря шестерых бойцов подсказала берам, что с этими двумя странниками лучше не ратится, но дни и ночи прохо-

дили спокойно. Приближался Дом Старого Корча, волхв говорил, что осталось не более двух ночей пути. А за Домом – день пути до Перевала, а за Перевалом – Загорье, Ар-Зум, благословенная земля аров...

* * *

К утру, когда нещадно погоняемые путниками арпаки начали от усталости замедлять свой бег, Луня заметил, что маячавший все это время по правую руку Черный лес начал отступать от Хода к полудню. На дневке стало заметно, что местность меняется – исчезли лесистые холмы на севере, Ледяной хребет стал почти неразличим, зато впереди показались вершины иных гор.

– Серединный хребет! – с волнением сказал волхв, указывая на цепочку серый вершин: – Хвала Роду и всем богам, завтра мы увидим Старого Корча и отдохнем в его Доме!

– А кто он, этот самый Корч? – спросил Луня, по обыкновению упражняясь с мечом.

– Он род, только не Влесов потомок, а из Куниц, младшего рода, что живет севернее нас, на берегах Великой реки Ва. Давным-давно ары упросили его поселиться в Доме возле Перевала, и Корч согласился. Там, возле Дома, от Хода отделяется Малый Ход, что ведет на юг, в земли, о которых и я ничего не знаю. Но ары знают, ведут с тамошними жителями торговые дела.

– А зачем нужен этот Дом? Что, на отшибе жить разве пристало? – удивился Луня.

Волхв улыбнулся:

– Перед тем, как идти на Перевал, путники из далеких земель, вот как мы с тобой, должны хорошо отдохнуть, обиходить коней, вот для того-то и стоит с незапамятных времен этот самый Дом, и хозяин его оказывает путникам гостеприимство по законам аров и своего племени, ибо так повелось, опять же исстари, что Хозяин Дома родом не ар...

Путники расплачиваются за постой кто чем, а если нет у них ничего, благодарят Хозяина вестями. Ары мудры, ибо все вести потом от Хозяина попадают к ним, так они собирают Знания.

Домов, подобных тому, в котором мы завтра окажемся, несколько, но те, другие, стоят много дальше по Ходу, за Ар-Зумом, и я там не бывал... Ну ладно, хватит бронзой махать, давай-ка харчится да спать, вон солнце уже к полудню...

Дом Корча путники увидели на рассвете – обнесенный крепким тыном, каменный, он стоял чуть в стороне от Хода, и не смотря на ранний час, из каменной же трубы над крышей поднимался дымок.

Луня еще никогда не видел домов из камня, да еще таких громадных, и даже открыл рот от изумления – надо же, сколько труда положено, чтобы соорудить такую избу! Зато, наверное, в каменном доме спокойно, пожар ему не страшен, да и простоит он много-много лет, не сгниет, шашель его не

сточит, не просядут бревна, не смоят во время половодья вода...

Шык остановил арпака у широких, огромных, окованных бронзовыми полосами ворот, по ночному времени запертых, приосанился и громко постучал Костяной Иглой по боковому столбу.

Вскоре во дворе за воротами послышалось шарканье ног, и хриплый старческий голос произнес что-то на неизвестном языке. Волхв ответил, тоже не по-родски, Луня различил в быстром водопаде чужого говора лишь свое имя и имя самого Шыка.

Воротины со скрипом отворились и навстречу спешившимся путником шагнул седой, как лунь, сгорбленный годами человек, с морщинистым лицом, красным, на еловую шишку похожим носом, явно род, в меховой безрукавке, в домотканых теплых шерстяных портах, улыбчивый и приветливый.

Сперва он долго обнимался с Шыком, спрашивал волхва о том, легка ли была дорога, потом повернулся к Луне.

– Здраве будь, Хозяин! – поприветствовал его Луня, как велел обычай.

– И ты здрав будь, отрок Луня! Хоть на прадеда своего ты не похож, но породу видать, ни куда не денешься! Входите, будьте гостями дорогими, давно уже не встречал я родовичей, давно не слышал родской речи!

Луня отвел приморенных коней в большой сарай, напо-

ловину заваленный сухим, пахучим сеном. Выкликнутый из дома шустрый паренек не намного младше Луни, белобрысый и широкоплечий, занялся арпаками, а Луния вслед за Шыком и гостеприимным Корчем вошел в распахнутые двери Дома.

Да, таких домов Луне видеть еще не приходилось! Огромная Гостевая горница, в которой он оказался, могла бы вместить внутри себя и хоромину вожа, и для избушки Шыка еще место бы осталось!

Вдоль каменных стен стояли широкие дубовые лавки. Длиннющие, как приречные мостки, столы, числом десять, занимали всю центральную часть горницы, а каменные же столбы, что подпирали черные резные балки потолка, казались стволами громадных деревьев.

Слева виднелся огромный крытый очаг, тоже весь из камня, и возле него хлопотали несколько женщин, гремя котлами, мисами, черпаками и ендавами. Свет в горницу попадал через узкие окна, похожие на бойницы, что прорубают в стенах родских городищ, чтобы удобнее было поражать врагов стрелами. Поскольку на дворе еще стояли утренние сумерки, да и день обещал быть пасмурным, в горнице пылали факелы, воткнутые в бронзовые поставцы, а на каждом столе возвышались к тому ж большие масляные лампы арской работы.

Справа от входа вдоль стены шла лестница, сложенная из дубовых плах, и вела она на широкую галерею, на которую выходило множество дверей, иные затворенные, иные – за-

навешанные тканями или кожами.

– Там ночуют гости, которые пожелали отдохнуть в Доме несколько дней! – пояснил Луне Шык, когда они уселись за стол, а Хозяин ушел, чтобы распорядиться по поводу еды и питья. Волхв выглядел веселым и довольным, он не оглядывался, раскрыв рот, как Луня, но с радостью узнавал уже однажды виденное, словно бы убеждаясь, что все это было, было на самом деле... Спohватившись, волхв дернул Луню за рукав:

– Луня, гости у Корча из разных народов! Разные народы – разные обычаи! Поэтому не глазей на них попусту, какие бы диковенные одежды они не носили, и как бы диковенно они себя не вели! Понял? А то потом беды не оберешься!

Луня понял. Конечно, любопытно поглядеть иноземцев, но раз не оберешься, то анчута с ними, буду смотреть на стены да потолок дивной горницы...

Вскоре на столе перед оголодавшими путниками стали появляться блюда, мисы, корчаги и горшки со снeдью. Чего тут только не было! Запеченая птица, пласты жареного мяса, вареные языки и копченое сало, свежесоленые грибы, моченые ягоды, резаная зелень, свежеиспечные караваи жита, жаренные в масле лепехи, кувшины и енды с квасом, медом и взварами. Но не обилие еды поразило Луню, а женщины, что подносили ее.

Шык уже успел сказать ученику, что у Старого Корча есть три сына, которые взяли жен из разных народов. Женщины

нарожали Корчу внуков, и теперь в Доме живет большая семья, и кровь ее не принадлежит ни родам, ни какому другому племени. Луня был готов, что увидит чудных людей, но вид чужеземных родственниц Корча потряс его, не видевшего в жизни, кроме корья да беров, да и тех в горячке боя, больше никого чужого, до глубины души.

Всего к столу путников подходили три женщины, различные и обликом, и одеждой. Одна, уже в годах, имела черные, как смоль, волосы, убранные под кожаную квадратную шапочку, шитую бисером, на ее белом, словно точеном из кости, лице с огромными грустными глазами, казалось, навеки поселилась печаль.

У другой, помоложе, были буйные кудри, рыжие, как осенние листья, перевитые лентами и шнурами, широкое, доброе лицо улыбалось, налитое тело под простороной рубахой, расшитой узорами, казалось слепленным из житного теста. Третья, совсем молодая, пожалуй, ровня Луне, тоненькая, как тростинка, коротко стриженная, словно отрок, в кожаном сарафане поверх шерстяной вязанной кофты, быстро стрельнула на Луню глазами, и тут же потупила взгляд, поставила на стол блюдо с рыбой и проворно убежал к очагу. Убежала, а Луню словно дротом пробило – сердце забилося часто, руки-ноги заохлодели, в ушах зазвенело – никогда еще такой пригожей девки ученику волхва из рода Влеса встречать не приходилось...

– Луня! – Шык уже оторвал от печеной утки ножку и те-

перь толкал ногой ученика: – Ты чего остолбенел-то? Ешь давай, а то Хозяин обидется! Тут ломаться нечего, давай-давай! Еще успеешь на девок насмотреться!

Луня, очнувшись, уткнулся носом в мису с похлебкой. Ломаться он и не собирался – давненько не ел по настоящему, последнее время все больше пахнувшая дымом зверина да дичина попадал Луне на зуб, и парень, вооружившись ножом да ложкой, взялся за еду...

Ели долго и обстоятельно, словно после продолжительного поста. Время шло, попросыпались остановившиеся на ночлег гости, кое-кто уже выходил из своих комнат, спускался в горницу. Луня крепко помнил наставление Шыка, по сторонам особо не глазел, но любопытство все же заставляло его нет-нет да и окинуть взором сидящих за соседними столами.

Да, зело причудливо устроен мир, если уживаются в нем столь не похожие ликами, одеждой и обычаями люди! Луня скользил взглядом по сидящим за столами представителям разных племен и народов, и удивлялся.

Вот двое кряжистых бородачей в овчинах, с огромными кривыми ножами за поясами, рвут на части жаренного кабанчика. Вот несколько худых темнокожих людей в белых, как снег, накидках, с тяжелыми серьгами в ушах, ровно они не мужи, а девки, тянут из глиняных кружек горячее молоко, вот одетые в кожаные кафтаны и бронзовые брони меднокожие... этих Луня знает, это ары, видом похожи они на

убитого у Синего камня соплеменника. А там, дальше, вовсе какие-то дикие – одежда из рыбих кож, волосы зеленую травяной крашены, на шеях ожерелья из звериных клыков...

Тут Луня смутился – нашел диких, а сам-то! У самого-то ожерелье и вовсе из человеческих пальцев сделано! Удружил волхв, нечего сказать! Может снять его потихоньку?

Луня потянул левой рукой через голову страшный оберег, но Шык, не глядя, поймал его руку, молвил только:

– Не надо, пригодится еще!

Пришлось смириться и продолжить трапезу...

Людей в горнице все прибывало. В открытые двери Луня увидел, как во двор Дома въехали новые гости – невиданные телеги на огромных колесах, влекомые круторогими быками. На телегах громоздились тюки с поклажей, вокруг гарцевали на черных тонконогих, не кряжестым арпакам чета, скакунах статные воины, с медными щитами, длинными копьями, в накиннутых поверх кожаных брони красных плащах.

С передней телеги соскочил на землю невысокий, плосколицы человек в остроконечной синей шапке с красной кистью. Луня увидел Старог Корча, который кланялся новым гостям, подивился, когда это Хозяин успел выйти из горницы, вроде только-что был тут!

– Это жители страны Ом! – пояснил, заметив Лунина взгляд, Шык, уминая медовую лепешку и запивая ее квасом: – Их земли лежат далеко за страной аров, на восход и

полдень. Там Ход делает большую петлю, чтобы обойти Голубые пески. Я тебе потом покажу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.